

Александр Хриспенс

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Роман

12+

Александр Хриспенс

Прикосновение

«Автор»

2012

Хриспенс А.

Прикосновение / А. Хриспенс — «Автор», 2012

ISBN 978-5-532-07112-4

Роман «ПРИКОСНОВЕНИЕ» — «камерное» и очень личное произведение, написанное с большой искренностью и весьма умелой рукой. Роман основан на реальных фактах биографии автора и читается с большим интересом. Человека, абсолютно равнодушного к вере, однажды посещает Бог и открывает ему тайну...

ISBN 978-5-532-07112-4

© Хриспенс А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Часть I. Хроника обыкновенной жизни	6
Глава 1. Человек родился	7
Глава 2. Первые открытия	11
Глава 3. Первые „уроки истории“	18
Глава 4. Переживания школьного периода	25
Глава 5. Невероятное событие	34
Глава 6. Проблески веры...	40
Глава 7. Голос... судьбы?	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Хриспенс

Прикосновение

Посвящается моим близким...

А близок ведь нам каждый человек...

Часть I. Хроника обыкновенной жизни

Что ведёт человека к Вере? Трагические ошибки, страдания, короткие мгновения счастья или, может быть, длинная цепочка совпадений, которые мы называем случайностями?

Проследившая жизнь героя романа «ПРИКОСНОВЕНИЕ», возможно, таким же вопросом задался бы и Зигмунд Фрейд, один из основателей психоанализа, но, к сожалению, ему этого было не ДАНО...

Это может случиться на краю обрыва, а может и тогда, когда ты, почти раздавленный рутиной буден, от усталости бросаешься на подушку и закрываешь глаза... За какие-то короткие мгновения перед тобою пронесется вся твоя жизнь, в сознании всплывают самые яркие и странные её события – знакомство с таинственным внутренним *Голосом*, словно пришедшим из ниоткуда, который вдруг открывает тебе твой настоящий День рождения... Невероятно, сложно всему происходящему поверить, но это не конец, а только начало тернистого пути *познания*.

Кому-нибудь события, описанные в романе, покажутся не очень значительными – куда интересней своя собственная жизнь – но именно они, эти невероятные события, произошедшие со мной, полностью перевернули мои представления о жизни и человеческих взаимоотношениях...

Я понял, что без духовного самообразования человеческие взаимоотношения никогда не достигнут подлинных высот, к которым ведёт человека познание. Но познания не получить без страданий, открытий, взлётов, падений, без одиночества и томления духа. Да-да, *духа* – живого, но слепо живущего в человеческом теле – теле совершенном, но тленном, духа, видящего глазами разума – всемогущего, но ограниченного...

Глава 1. Человек родился

Итак, Средняя Азия, юго-восточный Казахстан, южные склоны Тарбагатайских гор, село Урджар – посёлок городского типа с населением приблизительно двадцать тысяч человек. Пятница, двадцать первое декабря 1973 года, семь часов утра. Молодая женщина, проснувшись от боли в животе, понимает, что настал час рождению её ребёнка...

Её младший брат, бывший в это время в гостях у своей сестры, мчится за помощью к соседям: куда бежать, он знает – по соседству живёт медсестра Малюша (Амалия), добрейший и безотказный человек.

Малюша:

– Ваня! Я ведь только медсестра, роды никогда не принимала и боюсь принимать. Так, я побегу к твоей сестре Элле, а ты – к Эмме Кондратьевне, она врач-акушер, она должна быть дома, если не в ночной смене.

В это время останавливается проезжавшая мимо машина. Мужчины, сидевшие в ней, видя во дворе обеспокоенных людей, спрашивают:

– Что у вас случилось?

Ваня:

– Моя сестра рождает, срочно нужен врач!

Мужчины:

– А Ромка где?

Ваня:

– В командировке...

Мужчины:

– Мы сейчас привезём Эмму Кондратьевну!

К счастью, Эмма Кондратьевна как раз возвращалась из больницы, у неё было ночное дежурство. Через пять минут врач вошла в дом.

Ребёнок рождается быстро – в семь тридцать утра на свет появился мальчик. Этим мальчиком оказался я – первый сын у своих родителей, второй ребёнок в семье, а первым – была моя старшая сестра Эльвира, беловолосая девочка с голубыми глазами, отливающими при ярком солнечном свете какой-то интересной зеленью...

Мама – замечательная женщина, красавица с густыми, чёрного цвета, вьющимися волосами и карими глазами – она готова отдать жизнь за своих детей!

Отец – мягкий, открытый человек – мужчина невысокого роста, с солнечным цветом волос и голубыми глазами. Его, как правило, редко застанешь дома: он работал начальником снабжения в Автоколонне численностью около четырехсот грузовых машин и был в частых командировках...

Происхождение нашей семьи, как и нашей фамилии, уходило корнями в Германию, так как все мои предки были немецкими переселенцами. Краткую историю их переселения в Россию я с интересом изучил: «В XVIII же веке, по приглашению (манифест от 4 (15) декабря 1762 года) Екатерины II, русской царицы, началось переселение немецких крестьян, так называемых колонистов, на свободные земли Поволжья и позже Северного Причерноморья – многие из этих крестьянских семей оставались в местах своего первоначального компактного проживания на протяжении более чем полутора столетий, сохраняя немецкий язык, конечно, в законсервированном по сравнению с немецким языком Германии виде, веру и элементы национального менталитета. Веру, как правило, – лютеранскую и католическую...» («Мы – дети планеты Земля», Мариам Ибрагимова).

Родителей со стороны отца я не видел никогда, так как они умерли задолго до того, как я родился. Его отец Александр Фёдорович Хриспенс – был мужчиной крепким и покладистым, невысокого роста, с тёмно-русым цветом волос, с хорошим чувством юмора. Также переселенец из Германии, он был из зажиточной семьи, жившей в Поволжье. В тринадцатилетнем возрасте он заявил своему отцу (Иоганн Фридрих Хриспенс, 1860 г.р.), что хочет поехать учиться, и попросил свою часть наследства, на что, как рассказывал мне папа, получил категоричный ответ отца: «Нет, останешься здесь».

В ответ на это дедушка влюбился в мою бабушку, Амалию Райнгольдовну Метцлер, она родилась в 1903 году и была на два года старше деда. Темноволосая девушка с красивой внешностью была из бедной семьи и работала служанкой у моего прадеда. Когда до моего прадеда дошли слухи об их любви, прадед выгнал моего дедушку из дома...

В 1917-ом началась гражданская война, к власти пришли большевики, которые всех более или менее зажиточных людей «раскулачивали», то есть отбирали всё, разоряя нажитое трудом хозяйство. «Кто не с нами – тот против нас», – так звучал их лозунг.

Пришло новое время, новые – коммунистические – взгляды, и тех, кто не отказывался от своих прежних убеждений, в частности, от вероисповедания – расстреливали или ссылали в лагеря. Так исчез мой прадед, и никто не знает, что с ним случилось. В то время многие в ужасе бежали из страны, бросая всё, не успевая подумать – страх обуял людей...

Когда мой дедушка узнал, что семья покидает Россию, он поспешил вслед за ними, но, стоя в очереди на теплоход, который отправлялся в Америку, услышал вдруг угрожающий приказ: «Граница закрывается. Все, кто ещё не прошёл, – назад!». Так мой дед и остался в России, и они с бабушкой поженились.

А в начале Второй мировой войны, в 1941 году, они, как принадлежащие к немецкой нации, по приказу Сталина были сосланы в Казахстан, где поселились в селе Алексеевка, Урджарского района, Семипалатинской области, которое находилось в семи километрах от красивых Тарбагатайских гор. Но жизнь деда не стала спокойной. Его забрали в трудармию, в российский город Челябинск, откуда в 1942 году он бежал. Пройдя примерно 2.000 километров, дедушка нашёл свою семью, но долгие годы скрывался в Тарбагатайских горах. О том времени он не любил вспоминать, никому не рассказывал, что пришлось ему пережить, всё скрывал, из какой он семьи, и другие невесёлые подробности своей жизни. На сердце было тяжело, из-за голода и холода они потеряли четверых детей, и бабушка часто говорила: «Если бы не пришёл ваш отец, не знаю... Сколько осталось бы в живых?».

Мои дедушка и бабушка были глубоко верующими людьми, по воскресеньям они тайно собирались в домах своих надёжных друзей и вели службу: пели псалмы и молились Богу.

После войны, в 1949 году у них родился одиннадцатый ребёнок – сын Райнгольд, которого в обиходе из-за сложного произношения имени звали все по-русски – Роман. Это был мой отец – ни на кого не похожий, рыжий, как солнце, мальчик. Райнгольд до школы не знал ни одного слова по-русски, в первый класс его повела старшая сестра Эрна, которая переводила ему всё. В школе все дети смеялись над моим отцом и частенько обзывали «фашистом». В девятом классе мой отец теряет мать – после продолжительной болезни бабушка уходит из жизни. Тот день отец запомнил навсегда. В то время он жил в соседнем селе – заканчивал девятый класс тамошней средней школы, потому что в их посёлке была только неполная средняя школа. Отец жил на квартире и однажды, во сне, он вдруг услышал, как его кто-то позвал по имени: «*Райнгольд! Райнгольд!*» – и стук в окно. Он выбежал на улицу – там никого не было...

На следующий день в класс вошёл директор школы и попросил отца выйти с ним. Они стояли друг против друга. Глубоко вздохнув, директор сочувственно произнёс: «Райнгольд! Мужайтесь, сегодня ночью умерла ваша мама...».

После окончания школы мой отец поступает в Автомеханический техникум, успешно заканчивает его и получает диплом. А в двадцатилетнем возрасте, находясь на службе в Советской Армии, получает телеграмму о смерти своего отца, Александра Фёдоровича.

Родители с маминой стороны, жившие до 1941 года на Украине, в Донбассе, также были потомственными переселенцами из Германии. Её отца звали Иван Иванович Гевнер (1912 г.р.). Дедушка производил впечатление строгого и требовательного человека. Это был высокий и крупный мужчина, любящий порядок во всём. Он часто бывал у нас в гостях, так как мы жили в районном центре, где находилась больница, в которой он лечился. Дедушка страдал от болей в ногах и имел серьёзные проблемы с желудком – эти болезни он приобрёл во время войны между СССР и Германией. Как и все немцы, живущие в то время в Советском Союзе, он был отправлен в трудовой лагерь, где эти бедные, ни в чём не повинные люди работали с утра до позднего вечера, как каторжные, изнемогая от усталости, болезней, не получая достаточного питания. Многие из них не выдерживали и погибали. Мой дед в сорок четвёртом дошёл до смертельной стадии: он уже не мог передвигаться. Тогда военные выкинули его из лагеря со словами: «Умирай, где хочешь!»; но он выжил, скитаясь по мусорным свалкам в поисках съестного, не понимая и ужасаясь, как это всё можно было есть? Он ел...

Мамина мама – моя бабушка, Мария Фёдоровна Кляйн (1915 г.р.), была невысокой, худощавой и очень миловидной женщиной, с роскошными длинными седыми волосами, заплетёнными в узел. При воспоминании о ней веет теплом: от её взгляда, от прикосновения её рук. В бабушке сочетались все качества прекрасной женщины, прожившей нелёгкую жизнь. В двадцатилетнем возрасте она потеряла мужа, который утонул в реке Дон, попав в водоворот при купании лошадей. В сорок первом, когда началась война, бабушка с маленькой дочкой на руках и детьми сестры была выслана в Казахстан, где их встретили голод и холод. Но местные жители были добры к переселенцам-немцам, давая им хоть какой-то хлеб, чтобы они могли пережить зиму...

После войны мой дедушка долгое время искал свою семью от первого брака: жену Эрну и дочь Герту, но везде получал один ответ: «Ваша семья погибла при бомбёжке». Он был подавлен. Но в 1948 году дед, к счастью, встретил мою будущую бабушку, они сошлись, и родилась у них дочь, Элла – девочка, похожая на цыганку, с чёрными кудрявыми волосами. Это была моя мама. Злосчастные поиски первой семьи закончились для дедушки в 1951 году, когда ему пришло сообщение о том, что случилась ошибка, что его семья жива, однако дед без нашей бабушки уже не представлял свою жизнь и изменить что-либо было невозможно.

Ну, вот и я – всматриваюсь своими тёмно-голубыми глазами в другие глаза, познавая всё больше и больше окружающий мир. Он был прекрасен, этот мир: светлый, яркий, все чем-то занимались, кто спешил, кто медлил. Играю с детьми, такими же, как я – беззаботными, счастливыми, неутомными, смеющимися, плачущими и снова всё забывающими, продолжающими жить, впитывая всё окружающее, как губка, хорошее и плохое... Уже стою крепко на ногах, бегу по двору, хватаю кота, несу его, что-то хочу сказать, но не могу, бросаю кота, бегу к псу по кличке Моряк, глажу его – руки скользят по белой короткой шерсти, он безумно рад, в ответ облизывает моё лицо, как будто моет, ластится, я хочу что-то сказать, пробую, но – никак...

Дедушка с едва заметной улыбкой наблюдает за этой картиной... Обращается к маме:

– Эля! Что ты думаешь? Почему Саша не говорит ни слова? Это ненормально, мальчику – три года, а он ни слова ещё не выронил, не глухонемой ли он?

Мама:

– Папа, вы что? Он же ещё маленький! Вы знаете же, что с ним всё по-другому: в детский садик отказался ходить, плакал целыми днями и вообще ничего не ел. Я думала – привыкнет, но через две недели таких мучений моё сердце не выдержало, сдалось, и я уволилась с работы.

Дедушка:

– Переживаю я, своди его к врачу...

Врач:

– Я осмотрел вашего малыша – всё у него в порядке, не волнуйтесь, так бывает, заговорит.

Мальш с мячом в руках бежит в летнюю кухню, где женщина готовит обед:

– Мама! Ваll! (Мама! Мяч!)

Мама, оторопевшая от удивления и радости, воскликнула:

– Саша! Что ты сказал? Ты заговорил! Первые слова – да ещё по-немецки! Это баба Лида тебя научила? (Баба Лида – приёмная мать моего отца, перед дедушкиной смертью обещавшая ему позаботиться о его младшем сыне Райнгольде и сдержавшая своё обещание.) Ну, наконец-то, заговорил, мой сынок!..

Глава 2. Первые открытия

Мы с моей старшей сестрой Эльвирой часто бывали в гостях у дедушки и бабушки, живших в сорока километрах от нас, в селе Благодатное, которое находилось в пяти километрах от живописных Тарбагатайских гор. Выходя из их дома, я всегда всматривался в горы. Могучие, с причудливым рельефом, горы производили на меня незабываемое впечатление. Казалось, если поднимешься на вершину горы, то вот-вот можно взгромоздиться на облака – облака как будто начинались там... Там, где неизвестность, куда манило просто неудержимо. Меня завораживал этот мир и всё, что его наполняло. У меня возникало множество вопросов к мудрым и добрым моим старикам, и я часто слышал в ответ: «Сашенька, ты задаёшь много вопросов, на которые даже мы, твои дедушка и бабушка, не можем ответить. погоди, вот подрастёшь – узнаешь и поймёшь всё сам». Всматриваясь в дедушку и бабушку, я всегда видел их полное спокойствие, и меня не однажды посещала мысль – почему старые люди так спокойны?

Однажды, видя как дедушка даёт корм кроликам, я обратился к нему мечтательно:

– Дедушка! Я тоже хочу, чтобы у меня дома были кролики...

– Что ж, могу подарить, – ответил, улыбнувшись, дед.

Я:

– Правда?

Дедушка:

– Ну, конечно, если ты справишься. Мы ведь, люди, в ответе за тех, кого приручаем, это трудно, внучёк, но если ты настаиваешь, если ты уверен в себе, то ради Бога!

Я:

– Я уже большой, дедушка! И дома нашего Моряка я уже сам кормлю!

Дедушка, наклонившись ко мне:

– Так и быть, я тебе доверяю, но ты должен знать, что это – живое существо, оно всё чувствует и понимает, только сказать не может, поэтому ты должен относиться к нему бережно, кормить вовремя, ведь животные, как и мы, испытывают чувство голода, понимаешь, малыш?

Я, не отводя взгляда от до боли родного лица с седыми усами:

– Хорошо, дедушка, я обещаю.

Дедушка:

– И вот ещё что, Саша. Ты должен быть как взрослый, потому как твой отец вечно в разъездах, и тебе придётся работать самому, помогать матери по хозяйству. Временами захочешь с друзьями поиграть, а тут надо о ком-то беспокоиться...

Я:

– Дедушка, но я хочу о ком-то беспокоиться!

Так появилось у меня хозяйство, которому я был безумно рад.

К тому времени у моих родителей было уже четверо детей – после меня, в 1977 году, родилась тёмноволосая сестра Марина с карими глазами, а затем, через год, и мой светловолосый братишка Андрей – тоже с карими глазами. В шестилетнем возрасте я, уже кое-что понимавший, видел, что отец стал много выпивать, задерживаться на работе. Мама старалась сдерживаться изо всех сил, но всё чаще срывается, я слышу...

Мама:

– Опять отмечали? У тебя четверо детей, а ты пьянствуешь, кто же их будет воспитывать?! – и плачет.

Отец, как не в чём не бывало, бросается к нам, на пол – играет с нами, катает на спине, как коняшка, ползая на четвереньках по комнате...

Мама:

– Посмотри: хозяйство рушится, скот не кормлен; я никогда не думала, что человек, мужчина – может так низко упасть! Если не думаешь о себе, то подумай о детях: им же жить дальше! Мой отец никогда бы такое не сделал!

Отец:

– Мне все говорят, что ты мной руководишь, а я – мужик, могу я себе позволить посидеть с друзьями?! Ты же ведь не даёшь нам здесь посидеть, так вот, я у них бываю, кстати, у Альберта...

Мать слушает его, молчит, потом отвечает:

– Ещё не хватало сюда – твоих алкашей!

Отец:

– Что за дом?! В котором нельзя курить, пить, общаться с друзьями!

Мама:

– Если такой ты хотел дом, то не надо было жениться совсем и заводить семью!

Отец:

– Наверное, мне на тебе не надо было жениться! Это всё предрассудки времени: жениться, создать семью, родить детей, а про человеческие чувства – ни слова...

Мама:

– Никогда не думала, что ты до такого дойдёшь, слышал бы твой отец, что ты говоришь и как выглядишь, от тебя несёт, как от бочки с вином, а вспомни свои слова: «Я только красненькое пью и после свадьбы – бросаю курить!».

Отец:

– А кто виноват? Вся жизнь – на нервах. Ты не понимаешь ничего! Ты витаешь где-то в облаках, спустись на землю, посмотри, как другие живут, какое наше общество: все дела заканчиваются застольем, а откажешься – не получишь вовремя запчасти, это означает, что машины будут стоять на длительном ремонте, за этим следует невыполнение плана нашего предприятия и в конечном итоге – лишение премиальных, тринадцатой зарплаты и так далее... Это же государственная политика!

Мама:

– Я нигде не летаю, я всё вижу, ты – спиваешься...

Дети играют на улице. Посреди один мальчик, вокруг – девочки, все – подружки моей сестры Эльвиры. Они – с куклами, я – с машинками, бегаем, шумим, идёт общение. Я замечаю разницу между нами, разницу в наших интересах. Смотрю внимательно на Катю... Катя – на год младше меня, весёлая девочка со светлыми волосами, заплетёнными в косичку, большими голубыми глазами... Наши взгляды встречаются и сразу, стесняясь, падают на игрушки. Через некоторое время я опять останавливаю взгляд на Кате и внимательно рассматриваю её: она другая, она меня завораживает, мне интересно... Мы играем в «догонялки» – я стараюсь изо всех сил догнать Катю, чтобы потрогать её.

Катя:

– Саша! Ты всё время пытаешься только меня поймать, так нечестно!

Я:

– Это ты мне всегда попадаешься, потому что бежишь не так быстро, как другие – их я не могу догнать, они быстро бегают...

Катя:

– Ты – мальчик, мальчики сильнее и быстрее девочек, так моя мама говорит...

Я мямлю, пытаюсь оправдаться:

– Но они старше меня...

Я не мог признаться, что главная причина была в том, что мне хотелось быть рядом с Катей. Впрочем, она словно чувствовала это, даже не смотря на меня, и прятала взгляд, когда наши глаза встречались.

Мы дружили домами, то есть семьями, и в разговоре между нашими мамами я слышал, как тётя Люба говорила маме:

– Эля! Как ты выдерживаешь этот детский сад? Когда они собираются у нас дома, у меня голова кругом идёт...

Мама моя отвечала:

– Не знаю, у меня такого нет. Я их всех просто обожаю, утопаю в них, они все такие разные, их мир мне интересен – он меня завораживает!

Однажды, играя в прятки, мы с Катей спрятались у нас на сеновале. Сидя в углу, тесно прижавшись к друг другу, мы встретились глазами, я не убрал взгляд, и на этот раз Катя – тоже. Потом она приблизилась и поцеловала меня, я вопросительно смотрел на неё...

Катя назидательно сказала:

– Это – поцелуй; так целуются взрослые, мамы и папы, я подсматривала за моими родителями – они так целовались и шептались, и мы можем тоже попробовать... Поиграть в «мамки-папки»... Хочешь?

Я:

– Как это?

Катя:

– Я буду мамой, а ты – папой, будешь ходить на работу, а я тебя, Саша, буду ждать: обед готовить, сделаем кухню, спальню...

Послышались шаги, всё ближе и ближе приближающиеся, и возглас:

– Так вот вы где!

Это были наши старшие сёстры, моя Эльвира и старшая сестра Кати – Мария, они были одногодки. Мария была очень красивой девочкой с русыми волосами и большими, как и у её младшей сестры, голубыми глазами.

Мария:

– Мы вас везде ищем, а вы здесь затаились!

Катя:

– А мы с вами не хотим играть, мы будем играть в другую игру...

Эльвира:

– В какую?

Катя:

– В мамки-папки!

Мария:

– Это что за игра такая?

Катя:

– Я – мама, Саша – папа! Я буду ему кушать варить, а он будет на работу ходить, деньги нам зарабатывать, мы будем вместе заботиться о нашей семье...

Эльвира:

– О! А где ваши дети?

Катя, подумав немного, предложила:

– Вы можете нашими детьми быть!

Мария, удивлённо засмеявшись:

– Дети старше своих родителей? Так не бывает!

Катя, насупившись:

– А у нас бывает! Мы с Сашей любим друг друга, мы уже поцеловались!

Мария:

– Вы что? Катька! Если мама узнает, ты получишь от неё...

Катя:

– Не узнает, если ты ей не расскажешь! Ну, так вы будете играть с нами?

Я смотрел с любопытством на эту картину, и мне было очень интересно: я видел, как наши старшие сёстры были ужасно удивлены и, подойдя ближе, смотрели на нас, как на диковинку, молча переглядывались между собой, перешёптывались, смеялись звонко и в один голос дразнили:

– Жених и невеста, половина теста, тесто засохло и невеста сдохла!

Катя, соскочив с коленок, обиженно сказала:

– Саша пойдём, не будем с ними играть!

Мария:

– Хорошо! Я не скажу маме ничего, давайте играть!

На сеновале построили домик из подручного материала, разделили комнаты. Мы все так увлеклись игрой, что не заметили, как азартно вошли в свои роли, в которых каждый исполнял свои обязанности: родители – свои, дети – свои, временами дети подглядывали за родителями, родители злились...

Катя – в своей роли:

– Как вам не стыдно?! Вы – наши дети, вы не должны за нами следить, подсматривать, что мы делаем...

Сестры посмеивались, обзывая нас снова «женихом и невестой»... Мы с Катей злились и убегали от них, прятались в палисадниках, в огороде, в садах; сёстры искали нас, но временами это им надоедало и они бросали эту затею – уходили играть в куклы, забывая о нас...

Как-то раз мы с Катей спрятались у нас в саду, где росли вишни полутораметровой высоты в два ряда, а в углу – кусты чёрной смородины, заросшие высокой травой. Мы сидели и смеялись над нашими сёстрами: как они бесполезно стараются нас найти и потом пропадают, так и не обнаружив!

...Мы с Катей смотрим друг на друга, затем целуемся. Поцелуй был детским, но какая-то волнующая неизвестность магнитом притягивала меня, и вместе с непонятным жаром в животе, возникал вопрос: чем притягивает друг другу взрослых тётей и дядей?

Катя вдруг сказала:

– Саша, давай попробуем по-настоящему? – и начала раздеваться.

Я обомлел, глядя на неё. Раньше я замечал разницу между мальчиком и девочкой, но не в такой близости. Во мне что-то взорвалось, окатило жаром, и мы упали в объятиях на траву, и между нами произошло то, что происходит между взрослыми тётями и дядями... Конечно, всё было по-детски, неуклюже и плохо, сразу хотелось убежать куда-то, но мы снова и снова встречались с Катей втайне от всех и, часами пролеживая в объятиях друг друга, разговаривали о всяких вещах; мне было легко, потому что Катя была очень развитая для своего возраста девочка, она могла уже читать многие слова, знала алфавит, словом, мне было безумно интересно с ней...

Однажды, жарким июльским днём, к нам в дом вошла мама Кати, тётя Люба. Смотря на меня как-то особенно, она, ни слова не говоря, проскользнула мимо меня в летнюю кухню. Меня очень заинтересовал её визит, но я слышал только, как тётя Люба с моей мамой шепчутся о чём-то, затем звякнули тарелки, и тётя Люба так же вышла, как и вошла – с тем же выражением лица.

Провожая её, мама не сводила с меня глаз... Затем подошла ко мне:

– Сынок, мне надо с тобой поговорить... Нам стало известно о вашей связи с Катей, она сейчас болеет, у неё болит живот, и её сестра, Маша, рассказала, почему у неё, возможно, болит живот... Так вот, Саша, ты уже взрослый мальчик и должен понимать, что такие отношения ненормальны в вашем возрасте, от таких отношений рождаются дети. Но природа предусмот-

рела это, и у вас ещё не могут родиться дети, но придёт время, когда это может случиться, и вы, будучи сами ещё детьми, родите детей. Ты же понимаешь, что тогда будет... Сашенька, сынок, не губи себя и Катю! Вы должны жить детской жизнью, а в ней таких отношений не должно быть, понимаешь? Должна быть чистота – чистота мыслей, чистота поступков... А когда вы станете взрослыми, будете женихом и невестой, поженитесь, и только потом будут такие отношения, и у вас родятся дети – похожие на тебя и Катю. Саша! Я не стану тебя наказывать. Я чувствую, что ты всё понял, я верю в тебя, доверяю тебе, до этого момента ты меня ещё никогда не подводил и, надеюсь, не подведёшь. Обещай мне, что ты больше никогда не будешь прикасаться к Кате и все мои пожелания исполнишь. Обещаешь, сынок?

Во время её монолога в моей голове будто звенели колокола. Мамины слова тронули меня до глубины души и я, всхлипывая и захлёбываясь от слёз, прошептал:

– Обещаю, мама...

С Катей мы продолжали дружить, встречались, болтали, и лишь изредка наши взгляды выдавали, что какая-то странная тоска охватывала наши души... Но больше мы никогда не подходили близко к друг другу.

Время летело, уже кончалось лето, и было жаль его – школа надвигалась неотвратимо. Я наблюдаю за отцом, как он, покуривая сигарету, за воротами ожидает служебную машину. Наконец, возле него останавливается машина, отец бросает сигарету, не затушив её... Выговаривает водителю:

– Коля, что случилось? Ты где пропал? Обед ведь давно уже закончился!

Захлопывается дверь, машина трогается, а я заворуженно смотрю на незатушенную сигарету, как дым тоненькой струйкой поднимается и растворяется в никуда... Меня вдруг охватывает непреодолимое желание попробовать покурить: поднимаю сигарету с земли, смотрю на неё, она тлеет, дымит, от неё идёт запах – запах необычный, сладковато-дурманящий, он манит меня и я закуриваю, кашляю, плююсь...

– Фу, какая гадость!

Первое желание – выбросить, но руки удерживают сигарету, не выбрасывают; прокашливаюсь, затагиваюсь снова – уже не так кашляю, уже не такая гадость, смотрю на неё, курю дальше. Теперь я всё чаще и чаще наблюдаю за отцом и жду, когда он выбросит сигарету, и – снова курю, чувствую, как что-то происходит со мной, где-то внутри мне беспокойно, понимаю, что это плохо, а если родители увидят? Как смотреть им в глаза? Мне становится стыдно, я бросаю сигарету... Однако вопрос «почему взрослые так много курят?» ещё очень долго занимал меня.

Перед школой мы едем с отцом в наш областной центр, в город Семипалатинск – отец по делам, а я на неделю к дяде моей мамы, Рафаэлю.

Город Семипалатинск находится от нас на расстоянии в полтысячи километров, ехать долго, я рассматриваю дорогу – всё здесь впервые для меня! Я замечаю, как пейзаж постепенно меняется, переходит в бесконечные степи. Отец разговаривает с водителем, дядей Колей. Я временами прислушиваюсь к разговору, но затем опять устремляю взгляд вдаль. Солнечные лучи жгут лицо, слепят глаза и заставляют морщиться – это восходит солнце, наполняя землю теплом. Вид этой картины что-то переворачивает внутри меня: безотчётно нахлынувшая радость – совершенно непонятное чувство... Что же, почему и – что ещё вызывает у человека такое чувство радости? Встреча с новым? Исполнение желаний? Размышляя над этими серьёзными проблемами, я услышал тихий храп. Всё понятно – отец наговорился и задремал.

Дядя Коля, посматривая в зеркало, обратился ко мне:

– Что, Саша, интересно?

Я:

– Да, очень!

Дядя Коля:

– Всё в первый раз интересно, а потом становится обыденным, знаешь... Для нас, по крайней мере, взрослых. Вот твой отец – он уже всё знает и видел, он в дороге всегда засыпает и крепко – его укачивает. Однажды мы с ним на этой же дороге попали в аварию, всё произошло так быстро – опомниться не успели! Мы перевернулись, лежали вверх ногами, тогда только твой отец проснулся...

Мне стало смешно:

– Как это?

Дядя Коля тоже улыбнулся, перевёл взгляд на небо:

– Вот так, Саша, бывает в этом мире, в один миг может всё измениться.

К вечеру мы подъехали к большому частному дому, отец сказал:

– Вот мы и прибыли, Сашок, это дом дяди Рафаэля!

Выходя из машины, отец взял вещи и гостинцы. Навстречу выходит женщина лет шестидесяти и, улыбаясь, обнимает моего отца:

– Здравствуй, Райнгольд! Это Саша?

Отец:

– Он самый!

Тётя Катя обнимает меня:

– Здравствуй, Саша! Какой ты уже большой!

Я, застенчиво улыбаясь, ответил:

– Здравствуйте...

Тётя Катя:

– Пойдёмте... Проходите в гостиную и присаживайтесь. Рафаэль сейчас придёт с работы, отдыхайте, а я пока в летнюю кухню – на стол приготовлю!

Я осматриваюсь, обхожу дом: дом состоит из шести комнат, я всматриваюсь в картины, фотографии, трогаю мебель, подмечаю, что материально они живут лучше, чем мы, чистота идеальная, тишина... которую нарушает разговор во дворе:

– Здравствуй, Райнгольд! Ты всё со своей сигаретой не можешь расстаться...

– Здравствуйте, дядя Рафаэль! Да никак не могу бросить...

– «Не могу» – такого нет, скажи – «не хочу»! Ну, так где он, твой наследник?

– В доме. Саша! Иди сюда, что ты там сидишь один?

Я выхожу, отодвигаю занавеску на дверях, которая служит преградой для мух, взгляд мой падает на мужчину среднего роста с редкими тёмными волосами на голове, с зальсиной; улавливаю какую-то схожесть с моим дедушкой...

Дядя Рафаэль:

– Ну, здравствуй, Александр! – протягивает руку.

Я робко отвечаю:

– Здравствуйте, дядя Рафаэль, – и тоже протягиваю руку.

– А-а, застенчивый какой! Сразу вижу: мамино воспитание, дай-ка, я тебя поближе разгляжу... Саша, да ты не похож на своих родителей – какие светлые волосы, а какие глаза!

– Он похож на моего отца, даже временами я вижу схожесть их характеров!

– Сейчас скажи, что в нём «нашего», вообще, нет! Не забывай, Райнгольд, в нём – всего поровну! Саша, ты чей сын?

– Папин! – не раздумывая, отвечаю я.

Отец улыбается:

– Правильно, сынок!

Дядя Рафаэль:

– Это он так говорит, потому что Эллы с нами нет, кстати, как она?

Разговор перешёл на взрослые темы, а я продолжил осмотр их владений: двор был маленький, вернее, переднего двора, вообще, не было – были цементные дорожки в полтора метра шириной, сбоку в ряд росли цветы, дальше были большой огород и задний двор, почти как у всех; в нём бегают куры и вертится собака на цепи – лает на меня. Я осторожно, с опаской, передвигаюсь к сараю, где вижу кроличьи клетки. Тут я не выдерживаю: припадаю к ним, разговариваю с кроликами, рассматриваю их...

Всю неделю я пробыл с дядей Рафаэлем и тётей Катей, они возили меня на своей оранжевой машине марки «Жигули-01» по магазинам, подбирали мне школьную форму и портфель, ещё ходили на карусели и аттракционы, побывали в больнице, где работал врачом их сын Артур. Я получил множество впечатлений...

Глава 3. Первые „уроки истории“

Первое сентября 1980 года. Мама ведёт меня в школу! В нулевой или так называемый подготовительный класс – в него принимали тех детей, кто не ходил в детский сад. Столь много детей я вижу впервые, с удивлением смотрю на них, пытаюсь сосчитать... Где-то внутри мне страшновато – непонимаю и пытаюсь понять: откуда идёт это чувство?

Начались занятия, учительница проходит между рядами, записывает фамилии, переспрашивает мою и задаёт вопрос:

– Национальность – немец?

Я смотрю вопросительными глазами.

– ... ?

– Понятно, где живёшь, на какой улице?

– На Воронковой!

– Значит – немец!

Учителя переговариваются между собой, слышится:

– Всех немецких детей, часть русских и часть казахских я возьму к себе, остальные – у тебя.

Я плохо понимал эти проблемы, но впоследствии, по этим и многим другим событиям, понял, что для меня именно с этих вопросов начались «уроки истории» – безысходной и тяжёлой истории взрослых...

Начинаются уроки, моя левая рука тянется к ручке, меня поправляет Нина Фёдоровна:

– Саша! Мы все пишем правой рукой, выводим всё аккуратно, как написано на доске...

Мне неудобно, дома я всегда левой рукой рисовал картинки, стараюсь – правой, забываю и пишу левой, учительница поправляет меня...

На переменах дети играют между собой, я стою в сторонке – стесняюсь первым подойти и познакомиться с кем-нибудь... Домой иду один, уже на нашей улице слышу торопливые шаги, оборачиваюсь – два мальчика из моего класса:

– Эй, ты! Ты кто такой? Ты знаешь, что идёшь по нашей улице?..

– Я на этой улице живу...

– Не знаем мы тебя, ты не должен здесь ходить, если ещё раз встретим, получишь от нас, ты понял?

Я молча иду дальше.

– Мы не слышим ответ...

Я не отвечаю, иду дальше, на перекрёсток выходит моя старшая сестра Эльвира, которая училась уже во втором классе. Эльвира спрашивает:

– Саша! У тебя тоже было четыре урока?

– Да.

– А я тебя искала, мы разминулись, наверное, с тобой...

Мальчишки:

– О! Да ты ещё с девочками дружишь? – послышался смех.

Эльвира:

– Эй, вы, это мой младший брат! Саша! Они к тебе приставали?

– Эй, ты, девчонка, мы тебя тоже не знаем, это наша улица, мы тебе запрещаем здесь ходить!

– Кто вы такие? Моллюски!

– Что ты сказала?

Было слышно, как они приближаются к нам, моя сестра развернулась:

– Что вы хотите от нас?!

Они набросились на мою сестру; во мне, где-то внутри, вспыхнула злость, я бросил портфель и ввязался в драку. Это была настоящая драка детей, после которой один из мальчиков остался лежать в луже, а другой убежал...

Моя сестра победно кричала им вслед:

– Если ещё раз вы попытаетесь что-то сделать, получите ещё больше!!

Через полчаса незнакомая женщина пришла к нам и, показывая куртку своего сына, разговаривала с нашей мамой, до нас доносится их разговор:

– Смотрите, что ваши дети моему сыну сделали!

Мама:

– Извиняюсь за моих детей; если они виноваты, то накажу их, а куртку... Оставьте, я постираю!

– Спасибо, не надо, я сама.

Это был первый бой в моей жизни. И хотя у нас с сестрой возникали стычки между собой при выяснении отношений, но до такого не доходило.

Обычно утром в 5.30 мы с сестрой просыпались. Мы всегда слышали, как в соседней комнате звонит будильник для мамы: она вставала, доила корову, выгоняла её в стадо, а мы в это время умывались, одевались и ожидали в зале её прихода.

Мама:

– Вы опять уже поднялись, что вам не спится? Я бы на вашем месте с удовольствием ещё поспала бы – вы же самые первые приходите в школу, потом ждёте ещё полчаса, когда вам класс откроют! Какой интерес стоять и ждать там, когда вы могли бы ещё в койках поваляться?

Эльвира:

– Нам не спится, и к тому же мы с Марией и Катей идём вместе в школу. Их школа ведь дальше находится, и около нашей школы мы расходимся, а им ещё километр идти... Вы же, мама, не захотели нас отдать в школу имени Горького, считаете, что два километра в один конец – далеко, но зато это средняя школа, а у нас – неполная средняя, и там лучше учат.

– Я вас пожалела, к тому же, все ваши сверстники с нашего края ходят в вашу школу, с некоторыми вы уже успели подраться, когда должны были, наоборот, дружить между собой...

Эльвира, помогая маме готовить завтрак:

– Но, мама! Они живут выше нас, мы их не знаем...

– Узнаете. Человек не может всю жизнь прожить в изоляции, приходит время, когда он выходит в общество, это время для вас настало, вы должны учиться контактировать с другими детьми, не закрываться, а, наоборот, открываться, учиться дружить...

Мы внимательно слушали её, потом Эльвира, убирая посуду в раковину, сказала:

– Саша! Вчера вечером я мыла посуду, теперь ты моешь, а я – вытираю...

– Конечно, Эльвира, я помню.

Мы всегда с удовольствием помогали нашей маме, в нас горело желание облегчить ей жизнь.

Придя в школу, как всегда, на полчаса раньше, мы стояли в коридоре в ожидании, когда откроют класс, но сегодня у меня был особенный день – что-то внутри не давало мне покоя: я ожидал вчерашних мальчиков и раздумывал, что будет? Их двое, а я один, один выше меня, другой – с меня ростом. Да... Вижу, вдалеке идёт группа ребят, приближаются ближе, я узнаю среди них наших вчерашних обидчиков:

– Это он...

Из группы выходит вперёд мальчик, как мне показалось, их предводитель:

– Так, это ты, с твоей сестрой, Вовку вчера обидел? Они окружили меня. Не знаю почему, но во мне не было страха перед ними:

– Да, я!

Он протягивает мне руку:

– Сергей!

Я в ответ протягиваю свою, мыжимаем друг другу руки:

– Саша!

– Саня! Значит, мы не будем тебе ничего делать, так как ты из нашего края, «Берлинского», мы должны вместе держаться. Будем дружить?

Я зачем-то огляделся по сторонам:

– Да, будем...

Мы, как взрослые, все перездоровались, каждый назвал своё имя, и началась моя «мужская» жизнь: я больше времени проводил уже с мальчиками, на переменах мы собирались группами, общались, рассказывали друг другу байки и играли в «казаки-разбойники», постепенно становясь настоящими друзьями с невидимой связью... Уже по дороге в школу, если позади шли мои одноклассники, слышались свистки: «Санёк!».

Я прощался со своими девочками и ждал мальчишек, тем самым давая возможность моей сестре пообщаться наедине с подружками.

Я же утопал в общении со своими друзьями и мы всегда находили темы – о чём поговорить. Домой шли вместе, вразвалочку, беседуя кто с кем; кто-то где-нибудь остановится, разглядывая что-то, затем догоняет нас.

Так, в одном месте, выбежал из дома маленький щенок чёрного цвета с белыми пятнами и – прямо мне под ноги: ластится, изгибаясь, подпрыгивает, скулит! Я нагнулся, взял его на руки, обнял...

Ребята опешили:

– Саня! Да это же сучка, отпусти её, зачем она тебе?

– Она мне нравится!

Выходит из дома мужчина:

– А-а, вот ты где, «Кукла»...

Я, глядя на мужика своими детскими глазами, протягиваю щенка ему в руки. Он улыбается:

– Что, понравилась малышка? Есть где держать? Можешь взять себе!

Я благодарно киваю, прижимаю щенка к груди...

Ребята недоумевают:

– А если родители скажут «нет», что будешь с ней делать?

– У меня родители добрые, разрешат...

Прихожу домой, показываю маме щенка:

– Мама, её Кукла зовут.

Мама смотрит вопросительно:

– Саша! Тебе мало Моряка? В общем, где взял собачку, туда и отнеси.

Я прижимаю щенка к груди, и откуда-то изнутри подавило обидой, потекли слёзы...

– Мама! Я её никому не отдам!

Мама вздохнула, улыбнулась, посмотрела на меня своими добрыми глазами:

– Хорошо! Только больше – никого не приносишь, договорились?

Я радостно кивнул, вытирая слёзы:

– Спасибо, мама!

Идут годы, мне уже восемь лет, как-то возвращаюсь из школы, захожу домой, слышу – мама плачет:

– Сынок, твой дедушка умер...

На похоронах я навзрыд плачу, вижу, как мама не отходит от дедушки, лежит у него на груди, к ней подходит отец, поднимает её, мама плачет:

– Нет, нет...

Слышу голос бабушки:

– Эля! Возьми себя в руки, всему своё время, для отца время пришло уходить...

Моя мама, со слезами вскинув руки, воскликнула:

– Куда уходить? Куда?! Что вы говорите?!

Бабушка, глядя маме в лицо, говорит:

– Дочка! Не будь так слепа, мы все здесь в гостях, приходим сюда в одиночестве и уходим в одиночестве – туда, где наш Создатель...

Мама, в знак протеста, качает головой:

– Сколько вы будете заблуждаться ещё? Его нет на свете, просто – нет.

После похорон слышу, как взрослые обсуждают – какую оградку делать, какой ставить памятник?

Бабушка вздыхает:

– Памятник не надо, нам простой крест поставьте...

– Мама, вы что? Лучше памятник! – в один голос предлагают мои дяди и моя мама.

Бабушка отвечает немного разочарованно, но настойчиво:

– Мы вас с отцом неправильно воспитали – промолчали, было страшно что-то сказать, но когда видишь, что дни твоей жизни сочтены, пропадает страх перед этим миром, а приходит страх другой... Так вот, мои дети, нам простой крест поставьте: «Мы, во имя Господа Иисуса Христа, спасены!». Этот знак мы желаем на своих могилах иметь...

Наступил Новый 1983 год. Встречали мы его всей семьёй, дружно и весело, а на следующий день, второго января – праздновали мой день рождения. Поздравляли все: пришёл папин друг детства, Альберт, со своей семьёй, соседи и друзья. Мы, дети, играли между собой, а меня часто подзывали родители – выслушать поздравления и пожелания. В этот день мне исполнилось девять лет, и, естественно, было много пожеланий, связанных со школой. Я благодарил и отвечал с уважением, но в голове у меня были мысли о лете...

И вот оно – снова лето! Стараюсь везде побывать, у всех погостить, всё успеть... Побывав несколько дней в гостях у дяди Самуила, брата отца, в селе Алексеевка, и пообщавшись с двоюродными братьями Александром, Виктором и двоюродной сестрой Лидой – наигрались до изнеможения в «догонялки» и в «войнушки» с использованием в качестве оружия зелёных яблок. Эти яблоки, кстати, висели повсюду, на каждом углу, и создавалось впечатление, что не сады находились в каждой усадьбе, а само село лежит в одном большом яблоневом саду.

Итак, побывав у родни, мы с Эльвирой продолжаем наше путешествие в каникулы, наш путь, который лежит теперь в село Благодатное, к бабушке Марии. Дорога пролегает в горных местах, бугор за бугром, всё ближе к горам, мелькают за окном кустарники, поля пшеницы, подсолнухов, кукурузы, покос... Ширь необъятная, красота!

Бабушка идёт навстречу, улыбается:

– Внучата мои дорогие! Неужели? Я всякий раз прислушиваюсь: не остановился ли автобус, не приехали ли мои внучата...

Обнимая и целуя бабушку, мы с сестрой наперебой заголосили:

– Бабушка, наша милая, любимая (иногда нам очень хотелось назвать нашу бабушку «бабулей» и обратиться на «ты» – нам казалось, это теплее, но наше воспитание не позволяло нам этого сделать. И мы продолжали обращаться к ней так, как нас учили наши родители, а их, в свою очередь, учили их родители; конечно, в этом были свои плюсы и минусы...), здравствуйте! Мы всегда ждём каникул, чтобы навестить вас, мы скучаем, мы вас любим!

– Рассказывайте! Как ваша семья, как моя внучка Марина, что поделявают внучата – Андрюша, Ваня, Коля? Как родители живут – дружно? Не ругаются?

Мы с сестрой смутились, переглянулись друг с другом, и Эльвира подала знак, что она будет говорить:

– Бабушка, вы спрашиваете про родителей? Ничего хорошего: папа часто выпивает, мама на него злится, ворчит, ругается, до развода доходит, но потом – затихает, а через некоторое время всё сначала: папа опять приходит пьяный, опять у него «командировки»... Я слышала однажды разговор тёти Любы с мамой. Рассказать?

Тётя Люба: «Эля! Наши мужья вчера вместе где-то пьянствовали и, расходясь, шептались на улице, я подслушала их разговор! Твой Роман рассказывал про какую-то Тамару из города...». И долго потом ещё говорили. После их встречи мама папу просто «пилит», цепляется ко всему, всё для неё не так: «храпит, жутко несёт табаком, алкоголем, не там сел, не там встал...». Даже если он трезвый придёт домой – она обязательно найдёт повод, чтобы поругаться!

– Мои любимые, моя кровиночка, послушайте, что бабушка вам скажет. Вам досталось не лучшее время: мир изменился, изменились и люди, сменились поколения! Что раньше было непозволительно, стыдно, то сейчас преподносится некоторыми людьми как «норма поведения»; вы уже взрослые, вы должны из этого извлекать уроки и ни в коем случае не повторять родительских ошибок! Не вмешивайтесь в их ссоры, живите своей жизнью и не переносите плохое в свои будущие семьи. Придёт время – свою «половину» выбирайте не только глазами; ваши супруги должны разделять с вами все радости, трудности и жизненные приоритеты, иметь такие же жизненные цели, как и вы. Хотела бы вам сказать о духовном, но не могу – времена сейчас другие, просто скажу: будьте нравственны, дети...

Бабушка была мудрая женщина.

В том возрасте у меня сформировались уже свои взгляды на жизнь. Появились друзья, потом лучшие друзья и, наконец, просто знакомые. Одним из лучших друзей стал для меня Саша – мальчик с чёрными вьющимися волосами, маленького роста, как и я. Мы с ним сдружились больше чем с другими ребятами и стали лучшими друзьями. Но нам порой было трудно удержать нашу дружбу: после очередной ссоры мы не общались между собой долгое время, а при состоявшемся примирении поклялись друг другу: «клянёмся, ссору больше не принимать за ссору, а продолжать дружить, а того, кто первым из нас подаст другому руку – не считать пораженцем».

Александр жил неподалёку от нас, на «поле» – так назывался огромный пустырь, на противоположной стороне которого продолжал простираться наш населённый пункт. Там жили, в основном, казахи, и этот край называли в простонародье «Карабулак»¹. Это поле было нейтральной полосой, на нём мы с ребятами разного возраста, с нашей улицы, собирались вместе, играли в футбол, волейбол. В перерывах мы обсуждали стратегию нашего «братства» – с каким краем воюем, с кем – союзники, и всё на свете остальное...

Собираясь на нашей улице, мы устраивали засады на ребят из «Карабулака», которые ходили в казахскую школу. Их путь проходил через наш край, «Берлин» – так называли его из-за преимущественного числа жителей немецкой национальности, после чего всем казахским ребятам приходилось идти в обход, по нашей улице только казахские девочки ходили спокойно, а во мне росло чувства национализма... За свою немецкую нацию мы готовы были драться до последнего, если в школе мы слышали вслед: «Фашисты!», то в ответ выкрикивали: «Калбиты², чурки!»³ и завязывалась нешуточная драка, после чего вызывали в школу наших родителей. Я всегда приглашал маму, отца – побаивался, да и к тому же почти всегда он был в отъездах.

---

¹ В данном случае основу топонима составляют тюркские элементы: «кара» – чёрный и «булак» – источник.

² Разговорное, бранное крайне оскорбительное прозвище представителей этносов Средней Азии.

³ Толковый словарь Даля: «чурка» – глупый, неповоротливый человек.

Так что дома я частенько оставался за хозяина – сам управлялся с домашними животными: коровой, баранами, свиньями, курами, ухаживал за моими любимыми кроликами – бывало до позднего вечера работал, забывая обо всём.

После школьных бесед, мама часто выходила со слезами на глазах:

– Саша! Ты же не такой, ты другой внутри, я твоя мама, и знаю тебя, зачем ты дерёшься? Зачем идёшь на поводу? Называешь своих школьных товарищей «чурками», подразумевая, что они глупцы и не так понимают порой темы уроков! Это глупо, Саша. Ты забываешь, что они живут на своей исконной земле и государственный русский язык – не родной им язык; они мыслят на своём родном, казахском – им ведь весь преподаваемый материал приходится внутри себя переводить на казахский язык! Мне горько за тебя, сынок. У тебя становится жесткое сердце...

Мне было жалко маму – где-то внутри я плакал вместе с ней, но маме этого не показывал... Ведь мы с ребятами в то время считали, что мы правы, так должно быть, и продолжали свои безудержные и жестокие баталии.

На нашей улице находилась небольшая христианская церковь, куда приходило довольно много людей с детьми разного возраста; мы с ребятами над ними посмеивались и между собой дразнили «баптистами», а если дети шли в церковь без родителей, мы их обижали, вслух обзывая «богомоллами»...

Осень, 1984 год. «Хожу» в четвёртый класс, похвастаться нечем: успеваемость упала – из лучших учеников скатился в троечники, поведение – твёрдый «неуд». Учителя часто жалуются на меня: мы балуемся, дерёмся, боремся на переменах, что зачастую переходит в классы. На уроках кое-как высидиваю до окончания, некоторых учителей побаиваюсь, к примеру, Татьяну Петровну, преподавателя истории, и хотя я честно прилагаю все усилия, чтобы лучше знать историю, но и здесь случаются неприятности...

Тема урока – религия, уже при одном упоминании имени «Иисус Христос» в классе разразился неожиданный смех, и послышалось из всех углов в мою сторону «Христос!»; я поглядывал по сторонам, все отворачивались, но продолжали смеяться, кто – уткнувшись в книгу, кто – глядя друг на друга.

Татьяна Петровна, застыв с удивлённым выражением лица, строго спросила:

– Что происходит? Да, тема об Иисусе Христе! Что здесь смешного? Успокойтесь! По программе мы должны изучать религиозных фанатиков, одним из них является Иисус Христос. С его рождением связывают начало «нового времяисчисления», которым пользуемся мы сейчас. На дворе – 1984 год, это означает, что 1984 года тому назад родился Иисус Христос. Он много творил чудес, и называл себя Сыном человеческим и Сыном Бога – того самого Бога, который живёт, якобы, на небесах. Но мы-то сейчас знаем, что небо – это слой атмосферы, и с полётом первого в мире советского космонавта Юрия Гагарина, чьё имя носит наша школа, смогли удостовериться, что мы – единственный разум во всей Галактике, нет существования жизни на других планетах. Возвращаясь к теме нашего урока, скажем, что Иисус Христос смог, однако, увлечь за собой множество людей; так появилось и постепенно выросло христианское движение, окутав всю нашу планету, создавая свои структуры – церкви, которые тесно переплелись с господствующим классом буржуазии, став опиумом для народов, одурачиванием и порабощением рабочего класса. Вследствие чего у нас произошла социалистическая революция под руководством нашего великого вождя, Владимира Ильича Ленина, который в своё время отдал много сил в борьбе с религией, освободил нас от капиталистических угнетателей и дал возможность жить в социалистическом обществе, где все равны, где нет частной собственности, а всё принадлежит государству, то есть – всем нам...

И дальше – в таком же духе, цитатами из учебника... Трудно было не то что учить, но просто понять этот сложный набор страшно умных и непонятных выражений.

Вечером мы с отцом, управившись по хозяйству, сидели за ужином и обсуждали жизнь.

– Папа! У нас сегодня на уроке истории была тема «Иисус Христос», так весь класс смеялся надо мной, – конечно, не напрямую, но я понял, что, похоже, над нашей фамилией. В ней есть сходство... И старшеклассники временами обзывают меня «Христом»! Я никого из них не боюсь, но драться с ними не могу – они сильнее меня. Пап, я решил, когда паспорт буду получать – возьму мамину фамилию! Не хочу, чтобы такие трудности были у моего сына...

– Сынок, я тебя понимаю: у меня тоже были проблемы с нашей фамилией, я также хотел сменить её, но при получении паспорта передумал, потому что наша фамилия показалось мне прекрасной, пусть есть какая-то схожесть, но я даже горжусь, ведь Иисус Христос был неплохим человеком. Но я не буду против, если ты возьмёшь фамилию мамы... Ну, а если передумаешь всё же, и оставишь нашу – я буду очень рад.

Глава 4. Переживания школьного периода

Осень восемьдесят пятого... Мне 11 лет. На пороге пятый класс – новая планета в моей Галактике знаний: «планета бурь»? «Планета открытий»? Но тогда, и, наверное, к сожалению – совсем другие открытия вызывали мой живейший интерес. Я был напряжён и уныл перед учебным стартом – в воспоминаниях всё время всплывали трёхмесячные летние каникулы... Как они были прекрасны, как ярко были солнечные лучи – сквозь голубую небесную ткань, нежно прикасающиеся к зелёному одеянию земли. Всё вокруг зелено, природа улыбается тебе и дарит своё тепло, ты просто счастлив, и кажется, что нет ничего, что могло бы омрачить это состояние – всё прекрасно! Но сейчас, на пути в школу, с грустью отмечаешь, что закончились твои счастливые дни. Начались школьные занятия. Теперь от твоего желания ничего не зависит, всё идёт своим чередом...

Вот и осень, земля одевается в бордово-оранжевые краски времени – она как будто соглашается с тобой, понимает твоё настроение, она окрашивает всё в золотой цвет, который, как слёзы, опадает с деревьев, обнажая их; деревья как будто склоняются к тебе, протягивают оставшиеся сочные плоды, ты вкушаешь их вкус, который не похож ни на что – он так сладок, и в то же время присутствие очень слабой кислоты придаёт ему незабываемое ощущение.

Это очень лирическое восприятие окружающего мира не покидает меня и в школьные будни, и даже тогда, когда я вращаюсь в вихре беспечных проделок своих друзей и одноклассников. А учусь я средне – совсем не в меру своих способностей: не воспринимаю ни один предмет серьёзно, зато часто с друзьями сбегая с уроков. Вот и сегодня, после третьего урока, мы с моим одноклассником Вовкой обговариваем на перемене важную проблему: с какого урока уходим? Вовка живёт на нашей улице, и я часто называл его «Пушкиным», находя поразительную внешнюю схожесть моего приятеля с обликом великого поэта.

– Саня! Давай прямо сейчас...

– Нет, сейчас математика, отсидим её, а потом что... Физкультура и биология, они не так важны – сбежим!

– Хорошо! Чтобы не светиться, Сань! Ты оставишь сумку возле кабинета труда, как будто готовимся к физкультуре, а сам жди меня за школой, я принесу свою и твою...

– Хорошо, Вован, договорились! Я тебя буду ждать...

В ожидании я просидел за школой минут двадцать, уже давно начался урок, Вовы не было, я решил, что мы разминутся с ним. С нехорошим предчувствием я, крадучись, пошёл домой. В одном из переулков на скамейке сидел дедушка, он как будто грелся на солнышке, его седые волосы развевались от ветерка. У его ног лежала собака, она приподняла голову и взглянула на меня, я от страха остановился, старик произнёс:

– Не бойся мальчик, она уже не кусается.

Я взглянул ещё раз, уже внимательней, на собаку: огромный пёс с длинной шерстью тёмного цвета и чёрными глазами, из которых сочились слёзы.

– Дедушка! У вашей собаки текут слёзы...

Старик внимательно посмотрел на меня:

– Она скорбит, собаки ведь чувствуют свою смерть, и перед смертью – плачут...

– Разве так может быть?

– Ну, конечно, мальчик. Ведь её душа чувствует тоже...

– Разве существует «душа»? И притом, у собаки?

– Ну, если текут слёзы, значит, есть душа, она так же испытывает боль, как и человек, и текут такие же слёзы, с таким же горьким вкусом, как и у человека...

– Но все говорят, «души не существует», её невозможно потрогать, а что невозможно потрогать, того – нет?

– Что же, верно вас в школе учат – душу невозможно «потрогать», но её можно почувствовать, она живёт в каждом из нас, она находится у нас в крови. Слышал такое выражение: «от страха душа в пятки ушла»?

– Да, так говорят о трусливом человеке...

– Ну, а почему ты тогда остановился, когда мой Барс посмотрел на тебя? Ты тоже трусливый человек?

– Нет, я не трус, это был мой инстинкт самосохранения...

Дедушка рассмеялся и сказал, вытирая глаза платком:

– Не хочешь присесть, пообщаться со стариком? Не бойся Барса, ему сейчас не до нас...

Я посмотрел ещё раз на собаку: она лежала неподвижно, положив голову на лапы, и мне не хотелось уходить, мне так не хватало моего дедушки, и я присел...

– Как тебя зовут и сколько тебе лет?

– Саша. Мне одиннадцать лет, я в пятом классе учусь.

– А меня – Пётр Иванович! Я вижу, ты смыслённый мальчик, но, судя по твоему виду: один и без портфеля, – ты школу без особого желания посещаешь, нет?

Дедушка смотрел на меня, его морщины были, как впадины... Я не знал, что ответить, молча сидел и рассматривал свои ботинки, покачивая ногами...

– Не знаю, но я не хочу в школу ходить почему-то...

– А-а, хочешь как можно быстрее стать взрослым?

– Да.

– Не торопись, Саша, всему своё время, – сказал старик задумчиво.

– Моя бабушка тоже всегда так говорит: «Всему своё время».

– А ты знаешь, откуда эти слова?

– Нет, не знаю.

– Ну, если твоя бабушка так говорит, то она тебе, наверное, говорила, что есть у нас, у людей, «Священное Писание», называется Библией – слышал про книгу такую?

– Нет, не слышал, бабушка не рассказывала...

– А о Боге, Саша, ты что-нибудь слышал?

– Да, на нашей улице есть баптистская церковь, туда баптисты ходят молиться своему Богу!

– И Он им отвечает?

– Кто – Бог?

– Да...

– А Его же нет, как Он может им ответить?

– Кто тебе сказал, что Его нет?

– Все говорят...

– А про душу – тоже все говорят, что её нет?

– Про «душу» я не слышал...

– Не верь никому. Душа есть, ведь человек – чувствует, а если душа есть, то и Создатель есть. Да, Саша, ты неглупый мальчик, уже во многом разбираешься... Я за свою жизнь много повидал, вот послушай старика: не пропускай школу – с неё всё начинается!

Вернувшись, я не стал заходить в дом – показываться на глаза маме без портфеля не хотелось. Я решил подождать «Пушкина» в палисаднике. Через некоторое время появилась Ленка – моя соседка и одноклассница.

– Ленка! Уроки уже закончились?

– Хриспенс! Что, портфель ждёшь? Не дождёшься ты своего Пушкина: его и Женьку поймала завуч и сдала Маржан Жеембаевне...

Маржан Жеембаевна – учитель физики и математики, после окончания пединститута по распределению попала в нашу школу и, как молодому специалисту, ей дали наш класс – один из самых трудных в школе. Мы не раз доводили её до слёз, и она порой, в ярости, в ответ распускала руки...

– ...Маржан Жеембаевна долго их ругала, а после выхода из класса завуча расплакалась и дала Пушкину пощечину, и сказала: «Где Хриспенс? Пусть он мне не попадается на глаза без родителей, его портфель будет у меня».

– Лена! А где сейчас она?

– У нас сегодня генеральная уборка, очередь второго звена – они убираются, а «Мэ-Же» проверяет нашу контрольную работу по математике...

Я задумался: «Да, дела... Кажется, я влип. Если я сейчас маме всё расскажу, она опять расстроится, что делать? Надо пойти сейчас в школу и извиниться перед Маржан Жеембаев-ной. Другого выхода нет».

Дверь в класс была приоткрыта, доносились девичьи голоса, я переборол в себе страх и вошёл – в классе установилась полная тишина, все смотрели на меня, за столом сидела Маржан Жеембаевна, она оторвалась от своих дел и тоже взглянула на меня...

– Саша? Ты пришёл? Не ожидала.

– Маржан Жеембаевна! Я хочу перед вами извиниться, простите меня...

Маржан Жеембаевна взглянула на меня с теплотой, её глаза загорелись и увлажнились, и казалось, вот-вот из них брызнут слёзы, но она сдержалась:

– Саша! Это хорошо, что ты пришёл, не испугался. Я всегда думала о тебе хорошо. Когда мы беседовали с твоей мамой, она открыла тебя с другой стороны; рассказала, какой ты есть на самом деле, и теперь я убедилась в этом. Очень хочу, чтобы ты меня сейчас услышал, чтобы мои слова дошли до глубины твоей души. Саша! Жизнь – серьёзная штука, к ней нельзя относиться играючи, и даже в такие юные годы, да-да! Пообещай мне, пожалуйста, больше не сбегать с уроков. И ещё хочу услышать от тебя, что ты приложишь максимум сил, чтобы хорошо учиться!

Маржан Жеембаевна не сводила с меня своих карих глаз, я тоже внимательно смотрел на неё, а где-то внутри – меня раздирали противоречия: я не хотел относиться ко всему серьёзно. Я хотел всё узнать, в основном то, что было «нельзя», и если не всё, то многое и – сразу; я не признавал изречение «всему своё время», я время то-ро-пил! И можно ли было при этом «ко всему относиться серьёзно»? Я раздумывал: «Если дам обещание, то придётся мне его выполнить, а это уже серьёзно»...

– Я обещаю вам, Маржан Жеембаевна!

Её рука потянулась под стол, через мгновение она протянула мне мой портфель, её глаза улыбались так, будто она чувствовала, что «достучалась» до меня...

– Вот твой портфель, Саша!

– Спасибо, Маржан Жеембаевна!

Выходя из класса, я посмотрел на моих одноклассниц, они провожали меня разными взглядами, выражающими удивление, лёгкую насмешку, восторг...

Утром по дороге в школу, мне повстречались мои друзья-одноклассники.

– Санёк! Как получилось, что портфель у тебя? Мы надеялись сегодня вторую серию увидеть: как Маржаниха будет тебя избивать!

Я ничего не отвечал, мне не хотелось на эту тему разговаривать, молча шёл, разговор легко перешёл на другую тему, все смеялись, веселились, а мне было не до смеха, где-то внутри горели воспоминания о вчерашнем разговоре с Маржан Жеембаев-ной – её взгляд, моё обеща-ние...

– Вон, смотрите, возле школы – Пушкин с родителями! Сдержал обещание: не имеет права учитель на ученика руку поднимать! Саня, жаль, что ты без родителей пришёл, Маржаниха, наверное, узнала всё и тебе передала портфель – да?

– Нет, я сам к ней пришёл, а родителей я не буду звать, она хорошая учительница...

– Ну, даёшь! Вчера по-другому пел.

– Я изменил своё мнение. Пообещал ей больше не сбегать с уроков и учиться по своим способностям.

– Видно, она на тебя сильно наехала?

– Нет. Она просто... достучалась до моей души.

– Души? Санёк! Ты что, какая «душа»?

– Та самая душа, которая в нас...

Мы все переглянулись и влились в общий школьный поток...

Пятый класс я закончил хорошо, без одной тройки, на «последнем звонке» нам объявили:

– У нас произошли изменения, Маржан Жеембаевна уходит из нашей школы в школу имени Крупской.

Послышались шорохи, перешёптывания:

– Наконец-то, повлияли наши жалобы на неё...

Я расстроился, всматривался в передние ряды стоящих передо мной ребят; особенно сверлил правый угол, где стояла Маржан Жеембаевна... Она была невозмутима, не отворачиваясь, не глядя по сторонам, а я больше всего в те минуты ужасно хотел уловить её взгляд и увидеть в нём одобрение. Она была лучшей учительницей в моей жизни!

Вспоминаю, как мы под её руководством ездили на погранзаставу, расположенную на границе с Китаем, в детский дом, где впервые в своей жизни я остро ощутил атмосферу одиночества, лишения детей родительского тепла... Сколько нового открывала нам эта умная, сильная девушка – как в знаниях, так и в человеческих отношениях! И вот теперь она уходит...

После окончания сбора на «последний звонок», все зашумели, все куда-то спешили, но большая часть учеников нашего класса окружила Маржан Жеембаевну: все что-то говорили, у некоторых на глазах выступили слёзы; я стоял в стороне, мне было грустно, но я этого не хотел никому показывать, она с каждым прощалась и желала всего наилучшего, подошла очередь моя. Грусть скрыть не удалось.

– Ну-у, Саша, ты что это? Я думала ты обрадуешься...

Я не поднимал головы, смотрел в землю, не решаясь встретиться с ней глазами, боялся, что потекут слёзы...

– Саша! Ну же, посмотри на меня и улыбнись – той своей улыбкой, которую я нахожу неповторимой...

Я приподнял голову и взглянул ей в глаза: они сияли, они были прекрасны, они что-то говорили мне, но я не понимал...

– Видишь, ты всё же смог выйти из троечников! Я рада за тебя, и также рада, что не ошиблась в тебе!

Я не мог подобрать в ответ правильных слов: что сказать? Меня переполняло только чувство благодарности.

– Спасибо, Маржан Жеембаевна!

Лето 1986 года, каникулы! Мы – в состоянии безудержной радости: свобода! Свет и тепло! Мы наслаждаемся!

Сейчас мы с моим другом Саней находимся у него дома. Выходим на улицу. Навстречу идёт его старший брат, Лёша, с приятелем, мы перебрасываемся фразами:

– Эй, вы где шаритесь?

– Эй, вы, салаги! Мы не шаримся, а гуляем...

– А-а, да, вы же с теми, легкодоступными, гуляете...

– Что?

Мы с другом отбегаем в сторону, смеёмся. Они останавливаются:

– Салаги! Вы же про жизнь ничего не знаете...

– Да побольше знаем, чем вы, и с такими девчонками, на букву «ш», не будем дружить!

– Посмотрим! Вас сейчас тянет к девчатам?

– Да, но мы не бежим к ним, сломя голову...

– Конечно! Это потому, что у вас желание не такое большое... Стукнет вам семнадцать лет, так мы посмотрим, куда побежите! Желание-то будет в семь раз больше, чем сейчас!

Мы с другом в ответ посмеялись и, убегая, отбились:

– Всё равно, к таким – не побежим!

Как всегда, летом мама белит, красит в доме, мы с сестрой помогаем выносить вещи из шкафов во двор; пришли соседские девочки, мы все играем во дворе и заодно присматриваем за нашими младшими братьями. К тому времени у наших родителей было уже шестеро детей: в восемьдесят первом родился темноволосый, кареглазый мальчик Ваня, а в восемьдесят третьем к нам прибавился шестой – светловолосый и голубоглазый Коленька.

Все мы во что-то играем, каждый в своём кругу – по возрасту; меня заинтересовало, что моя старшая сестра нашла и рассматривает со своими подружками:

– Девчата! Смотрите, какой интересный календарь, здесь даже есть дни недели, к примеру, можно даже узнать день недели твоего Дня рождения.

– Мария! Посмотри – какой у меня?

– Эльвир, у тебя воскресенье, а по знаку Зодиака ты – Лев .

– Девчата, а какие есть ещё дни и знаки, и, вообще, что это такое?

– Смотри, Саша! Их всего двенадцать знаков, по числу месяцев в году, это – созвездия звёзд на небе, к примеру, созвездие Льва – с 23 июля по 23 августа, значит, в этот период солнце находится в созвездии Льва, поэтому человек, рождённый в этот период, по знаку Зодиака – Лев, ну, и так далее, понял? О, девчата! Из этой материи получилось бы неплохое платье для моей куклы...

Девочки отложили календарь в сторону и накинулись на кусок ткани, а я, взяв в руки календарь, который видел впервые, рассматривал его с большим интересом: откуда он у родителей? Интересно, какой у меня *день* недели? Я стал вращать круг в центре, выставляя день моего рождения: 02.01.1974. Календарь показал – среда, и в этот момент впервые в моей жизни произошло событие: я услышал *ГОЛОС*, говоривший мне моим внутренним голосом:

– *Это не твой день, ты не мог в этот день родиться!*

«Ничего себе, вот это я сказал...», – подумал я. Но так как сказано это было очень уверенно, я сразу побежал в дом, к маме. Мама была в дальней спальне, белила потолок, известка падала на неё – она была занята, и всё же я обратился к ней:

– Мама, в какой *день* я родился?

– Сынок, ты такой большой и не знаешь свой день рождения? Второе января!

– Мам, я знаю свой день рождения, я спрашиваю, какой это был день недели?

– Пятница!

В моей душе вспыхнула радость:

– Мама! Как это может быть? Вы, наверное, напутали что-то? Вот календарь, он показывает – среда!

– Сынок, у меня шестеро детей, о каждом из вас я знаю всё: когда, где и во сколько родился, даже минуты и часы! Ты – наш старший сын, родился единственным из всех – дома, в этой спальне, утром, в семь тридцать, это была пятница. Так получилось, что в четверг я была

в больнице, там врачи проверили меня и сказали: «Девушка, вам примерно ещё две недели ждать!». Я им в ответ: «Я больше не приду к вам!». Даже не знаю, почему я так сказала...

– Мама! Но календарь показывает: среда.

Мама сначала рассердилась:

– Что я, не помню?! Это была пятница, 21 декабря 1973 года... – и вдруг приложила ладонь ко рту. – Ведь не хотела говорить! Мы с Эммой Кондратьевной, врачом-акушером, – она роды принимала – решили, что для тебя будет лучше, если мы тебя запишем с нового, 1974 года, то есть на двенадцать дней позже, тогда и в армию ты пойдёшь позже, с весенним призывом ребят семьдесят четвёртого года рождения, а не с осенним – семьдесят третьего, ты для них будешь ещё молод...

– Мама! Как вы могли? Выходит, мы двенадцать лет праздновали не мой *День* рождения?!

– Ну, какая разница-то?

– Для меня – есть разница, это мой *День*, мне его *ДАЛИ*...

– Что за чушь, Саша, ты несёшь? Никто тебе не мог его дать, нет никого на белом свете, кроме нас с папой...

– Мама! Я сомневаюсь, моя душа возрадовалась этому *Дню*...

– Какая ещё «душа»?

– Мама! Я уже большой! Всё понимаю – у нас есть душа, я её чувствую!

– Сынок, глупости это всё!

– Мама! Не глупости, и я больше не желаю в это верить! Душа бессмертна, и мы принадлежим *Кому-то*...

– Что? Ещё скажи, что Бог есть на свете...

– А почему нет?

– Ну, сынок, этого я от тебя не ожидала услышать! Где же ты таких «знаний» набрался? У наших баптистов?

– Я с ними не дружу. Когда они проходят мимо наших домов, в свою церковь, мы с пацанами обзываем их «богомолами».

– Ну, зачем же так? Они просто отстают от нашего коммунистического общества, от идей нашей партии, в которой я состою...

– Мама! А если Бог, на самом деле, существует?

– Ты опять за своё. Выбрось это из головы!

– Мама! С этого года мой *день* рождения я буду праздновать двадцать первого декабря!

– Вот этого ещё не хватало! Будешь праздновать – как записано у тебя в свидетельстве о рождении – второго января!

– Нет, мама. Мой *день* рождения – двадцать первого декабря, и только в этот *День* я буду его праздновать.

– Этого не будет, Саша, потому что праздничный стол я тебе буду готовить второго января.

– А я не буду ничего есть с него! Это не мой *День*...

– Так, я всё сказала.

Я тогда очень обиделся на маму. А про «*ГОЛОС*» забыл, думал – сам себе сказал...

Всё как всегда, каникулы быстро пролетели, и снова школа, новые преподаватели, новый классный руководитель, я чувствую, как мы все повзрослели: уже не те беззаботные дети, которые на переменах отдавались целиком игре, не обращая ни на кого внимания, не ловя чьих-либо взглядов, но время изменилось, и изменились мы – девочки на переменах собираются в компанию и обсуждают нас, мальчишек, мы в свою очередь – их, подшучивая над ними, заигрываем; девчонки, однако, более раскрепощённые, легко находят с нами контакт...

Перемена. Мы сбиваем друг друга с бума – это лежащий на метровых столбах четырёхугольный брус; два участника, балансируя на нём, пытаются сбить друг друга руками, оставшийся на бруске стоять – победитель. Я сбиваю с бруса своего одноклассника, Андрея, и жду следующего участника. Им оказался мой друг «Пушкин». Он имеет преимущество: телосложением он крупнее меня, и почти на голову выше ростом.

– Санёк! Ты проиграешь, спрыгивай лучше сам, чем я тебя сброшу...

– Вова! Не льсти себе, рост ведь это не главное. Ловкость, хватка рук, устойчивость...

– Да, в борьбе я тебе всегда проигрываю! Но на буме – ни за что, у меня руки длиннее!

Улыбаясь в ответ, я приготовился к поединку. Пушкин мнётся, покусывает губы, видно, очень хочет взять у меня реванш – попадает вскользь мне в плечо, я уворачиваюсь, Пушкин не успевает вернуться в исходное положение, как моя рука настигает его и попадает в грудь, он не удерживается на бруске – летит вниз...

– Санёк! Давай ещё раз, я соскользнул!

– Хорошо, давай ещё раз...

Пушкин неуверенно взгромоздился на брус, во взгляде просматривается какая-то потерянная, но и огромное желание победить любой ценой. После обмена ударами Пушкин, в полёте спиной вниз, хватается руками за воздух, и тут попадает под его руку альпийский галстук, развевающийся на моей шее, он машинально хватается за него и увлекает за собой меня; я лечу лицом вниз, так всё быстро происходит, что я не успеваю выставить вперёд руки, моё лицо с грохотом встречается с земной поверхностью, состоящей преимущественно из гравия – один из камешков попадает мне между зубами и ломает передний зуб пополам.

– Ты что, Пушкин?!

– Саня! Извини, я не хотел, я нечаянно...

Я отряхиваюсь, чувство боли переполняет меня, рука невольно прикрывает рот, я спешу к умывальнику, не обращая внимания на взгляды стоявших вокруг одноклассников – невольных свидетелей случившегося, спешу! Навстречу мне быстро идёт директор школы, Людмила Филипповна.

– Хриспенс! Подойди ко мне, пожалуйста! Я всё видела, покажи лицо...

Мне не нужно жалости, я убираю взгляд, чтобы не брызнули слёзы, но обида переполняет мою душу, ещё искра – и эмоции пойдут через край...

Людмила Филипповна нежно коснулась рукой моего подбородка:

– Ну же, Саша, покажи лицо!

Наши глаза встречаются, хотелось бы увидеть себя, но влажная пелена не позволяет мне разглядеть в её глазах своё отражение.

– Саша, всё хорошо! Шрамов не будет, врачи оденут на зуб коронку, ты, главное, не расстраивайся...

Мне не хочется отвечать, кажется, будто открою рот, и слёзы польются ручьём, я только согласно киваю головой...

– Саша, где твоя сумка? Я тебя отпускаю домой, выздоравливай!

В больнице, куда мы пришли с мамой, зубной врач, быстро осмотрев меня, заключил:

– У вашего сына ещё не окончательно сформировались зубы, всё ещё, так сказать, в процессе роста, из-за этого придётся с зубом подождать, иначе навредим другим зубам...

– Но как же ему ходить в школу, общаться со сверстниками?

– Извините, ничего не поделаешь, придётся потерпеть и с этим смириться.

Я стеснялся, конечно, и на долгое время ушёл в себя, старался улыбку сдерживать, не показывая зубы... А посещений таких шумных мероприятий, как школьные дискотеки – избегал, желая остаться в стороне и быть незаметным.

Но чем больше я старался остаться незамеченным, тем больше внимания к себе привлекал, так однажды, стоя в сторонке и общаясь с друзьями, я посматривал, как танцуют ребята

с девочками, и неожиданно почувствовал на себе чей-то любопытный взгляд, я присмотрелся: это была Даша, моя одноклассница, высокая, стройная девочка с густой длинной косой моего любимого каштанового цвета; она разговаривала с подружками, не сводя с меня глаз, я посмотрел на неё ещё раз, казалось, что я тону в её взгляде. Она улыбнулась, я смущённо отвёл глаза, понимая, что всё ещё испытываю чувства к ней: ещё в третьем классе я любил её тайной любовью; но в то время со мной пыталась дружить Инна, белокурая длинноволосая красавица.

Преподавала тогда у нас София Александровна, виновата была она:

– Саша! Я тебя решила пересадить к Инне, она обещала мне из тебя хорошего мальчика сделать.

– Нет, я не хочу с ней сидеть!

– Не упираться, я всё решила, и потом, это была не моя инициатива...

Я не ожидал, что с Инной будет так интересно общаться – не было такой темы, которую бы мы не обсудили. Инна имела хорошее чувство юмора, мы часто громко смеялись; учителя нас терпели около месяца, после чего – рассадили. Но мы ещё долгое время общались, я провожал её до самого дома, и, увлечённые беседами, мы не замечали времени.

Инна очень нравилась «Пушкину», он всячески пытался помешать нам, бессмысленно – мне было приятно проводить с ней время. Однако мои чувства были заняты, я бредил Дашей... Как бежит время – минуло три года!

– Саша!

Я оглянулся. За моей спиной, улыбаясь, стояла моя одноклассница Айгуль, шустрая девочка, по одной косичке коричневого цвета по обе стороны плеч; меня всегда удивлял цвет её волос – обычно у казахов волосы чёрные, а у неё – коричневые, и разрез глаз широкий. Айгуль, одна из подружек Даши...

– Да!

– Ты почему не танцуешь?

– Не знаю, не хочется что-то...

– Да ладно, брось, «не хочется», ты робкий!

Я рассмеялся:

– С чего ты это взяла?

– Я так решила, если человеку нравится девушка, только по причине своей робости он не приглашает её на танец...

– Айгуль! Ты к чему это клонишь?

– Тебе Даша нравится?

– В каком смысле?

– Саша! Давай начистоту – в прямом!

– Мне все девочки нравятся в нашем классе!

– Не уходи от ответа, я спросила про другое...

Мы смотрели друг другу в глаза, я пытался прочесть её мысли, чего она добивается всем этим, и как мне уйти от вопроса с поднятой головой? Соврать? Нет, не смогу – покраснею от стыда.

– Хорошо. Да, нравится.

– Я так и думала, когда наблюдала за вами! Люди не могут так смотреть друг на друга без чувств. У меня к тебе просьба, только не отказывай мне, пообещай, что исполнишь, мы ведь друзья, правда? И этот разговор останется между нами.

– Да, конечно, без проблем, какая просьба?

– Пригласи Дашу на медленный танец, она ждёт...

– О, нет, не могу, Айгуль! Я сейчас уже ухожу...

– Саша! Ты же обещал! Ну, ради меня, докажи, что ты – не робкий...

В её глазах читалась искренность, мы улыбнулись друг другу.

– Хорошо, Айгуль. Как только будет медленный танец, я приглашу Дашу.

Айгуль широко улыбнулась и подмигнула мне, я – ей в ответ. Но стоило ей отойти, как меня охватил страх: как я подойду к Даше? Что скажу? И как это будет смотреться со стороны? Я готов был под землю провалиться – она выше меня ростом, что мои друзья подумают!? Я поймал себя на мысли, что стесняюсь себя – того, что имею, как выгляжу... Зуб – напололам сломан, и дальше: я из многолетней семьи, да к тому же родители живут не в мире с друг другом, да, я стесняюсь своей внешности... Словом, позор, да и только!

Послышалось начало медленного танца, я взглянул на Айгуль, она глазами показывает на Дашу... Я вздохнул, как перед боем, и направился к Даше, наши глаза встретились, она смотрела на меня, улыбаясь, а я – со страшной застенчивостью:

– Даша! Можно тебя на танец пригласить?

– Да.

О, что же это было? Невозможно описать это чувство, когда думаешь о девушке, тайком наблюдаешь за ней, когда она выходит к доске отвечать, изучаешь каждую чёрточку её лица, замечаешь румянец на щеках и улыбку, растекающуюся по губам, чувствуешь её настроение, её тепло, и вот, когда она совсем рядом, твои руки касаются её талии, а её руки – твоих плеч, глаза не выдерживают её взгляда и упираются в то место, где выступают два нежных бугорка на её груди, с трудом понимаешь, что если не оторвёшь взгляд, то это будет некрасиво выглядеть, но боишься встретиться с нею глазами, мобилизуешь все силы и выдерживаешь её взгляд, и в глазах видишь всю её красоту – она прекрасна, начиная с её тихого «да».

Глава 5. Невероятное событие

Весна 1989 года, время летит, время занято подготовкой к выпускным экзаменам и обсуждением – кто куда пойдёт после нашей «неполной средней школы»; кто поедет учиться, кто будет менять школу; мы с моим лучшим другом Сашей решаем поступать в Семипалатинский политехнический техникум, впрочем, мы мало что можем решить сами; родители мои – против, особенно мама...

– Нет, Сашенька, ты будешь дальше учиться в школе имени Горького, тебе нужно получить среднее образование, без него тебя не примут в институт.

– Мама! Я не хочу поступать в институт, я не потяну его...

– А техникум «потянешь»? Как же ты себе представляешь это? И кем ты будешь в жизни?

– Я всё обдумал, в техникуме проходят за один год десятый и одиннадцатый классы и получают среднее образование, потом – по специальности «Холодильные установки» учиться три года. Буду мастером цеха...

– Сынок! «Мастер цеха» – тот же рабочий, никакой руководящей должности, никакого продвижения не светит! Подумай, ты будешь всю жизнь потом жалеть, ведь у тебя же есть все возможности учиться в институте, ты очень способный мальчик и можешь многого добиться, если захочешь!

– Мама! Я всё решил, отпустите меня с миром, умоляю...

– Хорошо. Но мы с папой не будем тебе помогать, поступишь сам, сдашь вступительные экзамены, пройдёшь конкурс, а если не примут, то вернёшься домой, закончишь среднюю школу и поступишь в институт. Обещай мне это.

– Хорошо, мама! Обещаю!

После окончания школы мы с папой съездили в город Семипалатинск, где сдали документы в политехникум, и нам назвали дату вступительных экзаменов.

Лето, 1989 год. Мне 15 лет, сижу в летней кухне и готовлюсь к вступительным экзаменам в техникум: просматриваю математику, геометрию, литературу, русский язык...

Отец входит и с сожалением смотрит на меня:

– Ну, как ты, сынок, готов? Время пришло. Через три дня – в путь. Поедем автобусом, могли бы, конечно, на служебной машине с водителем, но я взял отпуск. Остановимся у тёти Вали, ты будешь неделю у них жить и экзамены сдавать, а я в это время съезжу к моим сестрам, в Серебрянск.

– Хорошо, папа! Я сбегаю к Сане, предупрежу его, он ведь тоже поедет!

Семипалатинск, тридцать первого июля 1989 года, понедельник, шесть часов утра. На автовокзале нас встречают сестра моего друга Саши, Оля, с мужем. Оля была старше нас на восемь лет – молодая стройная девушка с густыми, вьющимися каштановыми волосами, развевающимися на ветру...

– Санёк! Поехали сперва к моей сестре, а потом ты поедешь к своим?..

– Да нет, Саня, как-то неудобно...

– Ты мой друг – какие могут быть неудобства!?

– Нет, нет, я решил, – Саша хорошо знал, что переубедить меня было очень трудно, так как я был гордым, не желающим быть кому-то чем-то обязанным, мальчиком. Мы с отцом заехали на речной вокзал.

– Сынок, я сейчас узнаю, когда плывёт пассажирская «Ракета» по Иртышу в Серебрянск, к моим сёстрам...

У кассы папа, посматривая на меня, обстоятельно разговаривал с кассиром. Наконец, он обратился ко мне:

– Сынок, «Ракета» отходит буквально сейчас, в семь утра, один раз в сутки, так что придётся мне уже завтра утром ехать: ведь нужно тебя отвезти к тётке Вале и – назад, просто никак не успею!

– Папа, вы поезжайте сейчас! Я сам доберусь к тётке Вале, дорогу я знаю, и я уже большой: мне пятнадцать лет!

– Нет, Саша, об этом не может быть и речи, ты такой ещё маленький...

– Папа, я справлюсь!

Отец улыбается, смотрит недоверчиво:

– С одной стороны – это идея, но если ты ошибёшься, напутаешь что-нибудь?

– Пап, ну что я могу напутать, я всё знаю, ведь я здесь не впервые...

– Хорошо, сынок, – всё ещё сомневаясь, согласился отец. – Тогда смотри, вот на этом автобусе, «11 маршрут», ты прямо приедешь в военный городок «Юность», а там уже, рядом с остановкой, дом тётки Вали – двадцать третий, квартира двадцатая. Саша, ты всё понял?

– Ну, конечно, папа, мы были же там не раз!

Приехав в городок «Юность», я быстро нашёл дом, где жила моя тётка. Двери все отбиты кожзамениателем коричневого цвета – типично для квартир военнослужащих. Позвонил в звонок, никто не открывает, ещё раз – тишина, осмотрелся: вроде всё точно... Квартира двадцать третья, дом двадцатый... Может, ещё с дачи не приехали? Ведь вчера были выходные, на работу – к восьми, а дяде Андрею... вообще, не знаю, как у них там, в армии? Или что-то всё же напутал? Почесав затылок, я решил спуститься вниз и подождать их на лавочке у подъезда.

Сажу на лавке уже около двух часов – сейчас девять тридцать. Наблюдаю за домом: чем выше поднимается солнце, тем больше людей появляется во дворе, но к моему сожалению, знакомые мне лица так и не появились. Я лихорадочно мысленно перебираю дальнейший план моих действий. Поехать к дяде Рафаэлю? К ним я свалюсь, как снег на голову – они с тёткой Катей ведь не знают, что я в городе. Что я им скажу? Словом, их радушием я пренебрег. Поеду-ка я в техникум, попрошу общежитие на время сдачи экзаменов...

В техникуме мне отказали:

– Вы ещё к нам не поступили – не имеем права.

Я и не стал настаивать... Выйдя из здания техникума, я взглянул на мои наручные часы: было уже двенадцать часов дня. Я вздохнул: как не хотелось, но всё же придётся ехать к дяде Рафаэлю... Хоть бы их тридцати шестилетнего ещё неженатого сына – дяди Артура – не было дома... Что он подумает обо мне? Его все считали «интеллигентом», что ему до меня? Он же – врач...

К дяде Рафаэлю я точно знал дорогу, мне не нужен был адрес, его я запомнил, когда мы с отцом привозили в техникум документы. После сдачи документов отец уехал по делам, а я на маршрутном автобусе номер семь, как мне отец объяснил, доехал до дома дяди Рафаэля.

Итак, я побрёл на автобусную остановку, до которой было примерно метров пятьсот; мыслей никаких в голове не было, я просто брёл с туповатым безразличием к ситуации...

Пройдя метров сто, я почувствовал, как подул слабенький ветерок, и как будто *кто-то* подошёл ко мне с левой стороны. Я не успел придать этому значения, так как этот «*Кто-то*» стал вдруг говорить со мной... моим внутренним *голосом*:

— *Вот ты и остался один, без мамы и без папы; что же, человек всегда когда-то остаётся один. Но ТОТ всегда с тобой – КТО всегда с тобой.*

Я обомлел и замедлил шаг, моему удивлению и растерянности не было предела: я разговариваю сам с собой? Не понимаю – как? Я с осторожностью в себе смог спросить:

– Кто Ты?

Ответ последовал незамедлительно, всё также – моим внутренним голосом:

— *ТОТ, кто всегда с тобой. КОГО ты гнал.*

В моём сознании тут же всплыли воспоминания, как мы с друзьями обижали ребят из церкви и обзывали их «богомоллами». Невольно у меня из глаз потекли слёзы, я заплакал:

– Боже! Неужели это *ТЫ*? Если это *Ты*, я обещаю *Тебе* стать хорошим человеком: крещусь, прочту Библию, буду чтить *Твои* Законы, не буду пить и курить!

В ответ *голос* был холоден и от него веяло неопишуемой силой:

– *Ты знаешь путь к своей тётке. Поезжай!*

Сидя в автобусе, я не понимал, что происходит, и почему я так спокоен. Моя душа была спокойна – как будто она знала *ЕГО* вечно... И в этом блаженном состоянии я заснул. Проснулся я точно там, где надо было сходиться, и как только сошёл, *ГОЛОС* появился снова:

— *Вон такси, на автозаправке; подойди и скажи, что тебе надо на автовокзал.*

Я приоткрыл рот от удивления и уже без особого страха про себя задал вопрос:

– Зачем?

— *Там находится переговорный пункт: позвонишь в Урджар, уточнишь адрес.*

Я, услышав это, обрадовался, сказав про себя: «Вот это да! Точно, это идея! Самое главное, логично!». И я ответил *ЕМУ*:

– Хорошо, я подойду и спрошу у таксиста.

Ответа не последовало, это было последнее, что было мне сказано...

Я тогда не задумался, что автобус с номером одиннадцать, на котором я приехал, на своём обратном пути тоже шёл напрямиком на автовокзал... Я не знал *ЕГО* план, не знал *ЕГО* мудрость, *ЕГО* замысел. *ОН* знал меня – знал, что я без причины никогда не подошёл бы к таксисту.

Таксист, мужчина невысокого роста с коротко стриженными волосами, поблескивающими сединой, на вид лет пятидесяти, заканчивал заправляться; вынимая шланг из заправочного патрубка, он окинул меня взглядом:

– Да, конечно, мальчик, подожди здесь пять минут, я здесь по вызову – заберу клиентов, и к тебе подъеду. Будь здесь.

Садясь в такси, я заметил на заднем сидении двух светловолосых женщин, как две капли похожих друг на друга, примерно лет сорока, они оживлённо разговаривали о чём-то между собой.

Таксист внимательно следил за дорогой и, на мгновение посмотрев в мою сторону, спросил:

– Я вижу, у тебя что-то случилось, парень? Зачем тебе на автовокзал?

Женщины притихли, прислушались к нашему разговору, я отвечал таксисту долго и сбивчиво.

В один голос женщины воскликнули:

– Какое совпадение! Мы – десять лет назад переехали из Урджара в Семипалатинск, как твоя фамилия, мальчик?

– Хриспенс!

Мою фамилию с первого раза никто никогда не запоминал, всегда переспрашивали, но женщины переспрашивать не стали:

– Не знаем таких, но ты наш земляк, и мы приглашаем тебя к нам – на время, пока будут у тебя вступительные экзамены, а потом родители приедут и найдут тебе квартиру.

Я был удивлён столь любезному приглашению, но принять его не мог, всё по той же причине: не хотел причинять кому-либо беспокойство:

– Спасибо за приглашение, но, извините, нет.

– Мальчик! Мы не принимаем твоего отказа, всё решено, едем к нам, у нас такие же дети, и вы, безусловно, станете друзьями; мы уверены – твои родители поступили бы с нашими детьми точно так же! Всё – едем к нам.

– Спасибо, нет, нет!

Таксист снова взглянул на меня и произнёс мою фамилию без всяких запинок – впервые в моей жизни с одного раза назвали мою фамилию правильно и так звучно:

– А Хриспенс Иоганн, не твой дядя?

От удивления у меня открылся рот. Я посмотрел внимательно на шофёра: ещё никогда не случалось, чтобы я встречал моего однофамильца, тем более за пятьсот километров от дома и в таком большом городе, – фамилию, которой я стесняюсь и которую хотел бы поменять:

– Нет, не знаю его, нет, не мой...

– Он – мой лучший друг, хороший человек, хочешь, поехали к нему? Примет тебя, как сына, ваша фамилия очень редкая, он будет очень рад увидеть своего однофамильца, а возможно, и родственника.

– Нет, нет спасибо!

Наши глаза встретились. Я рассматривал таксиста и не мог поверить, что всё это случайность. Таксист улыбнулся:

– Ну, и что ты будешь делать на автовокзале?

– Позвоню своим, уточню адрес моей тёти.

Женщины, внимательно слушавшие наш разговор, заголосили:

– Мы тебя не отпустим, мальчик, мы так не можем, мы будем переживать за тебя!

Я молчал, уже давно приняв решение. Таксист, глядя на дорогу, продолжал:

– Хорошо. Есть третий вариант: могу тебя устроить в гостиницу.

– А сколько это будет стоить?

– В сутки – два с половиной рубля.

Я в уме стал пересчитывать свои финансовые возможности: сегодня – понедельник, завтра экзамен: математика и геометрия – всё в одном, в четверг – русский язык и литература... В общем, в четверг вечером я могу ехать домой, выходит, максимально – четверо суток, это десять рублей; восемь рублей стоит билет на автобус, четырнадцать – на самолёт, буду экономить, поеду автобусом; с едой мне всё обойдётся максимум в тридцать рублей, а у меня с собой – сорок!

– Спасибо, знаете, этот вариант – лучший выход из сложившейся ситуации, я буду вам очень признателен!

Женщины, выходя, ещё раз предложили остановиться у них, и я снова отказался:

– Спасибо большое! Но мне неудобно, я совсем не хочу вас стеснять.

Женщины, принимая свои вещи из рук водителя, напутствовали его:

– Товарищ водитель! Мы стали невольными участниками в ситуации этого мальчика, нам очень жаль, что он отказался от нашего предложения, но мы вас просим – устроить его как можно надёжней, всё-таки это большой и незнакомый город для него!

– Не беспокойтесь, пожалуйста, я всё сделаю – он ведь оказался и моим знакомым!

По пути мы выбрали ещё одну пассажирку, таксист объяснил ей, что должен заехать в гостиницу, и ей придётся подождать, она согласилась.

Таксист договорился и оставил меня в гостинице; пока я доставал свои документы, он уже был возле машины, я ему так и не сказал «спасибо»...

Гостиничные апартаменты состояли из двух кроватей, стоявших по обе стороны комнаты, обе кровати были пусты. В левом углу стоял маленький холодильник, в правом – телевизор на тумбочке, посередине – большое окно, оно было распахнуто, и веяло свежим воздухом, лучи солнца падали на пол, разделяя комнату на две части и образуя световую дорожку, ведущую к окну; я шагнул по ней и, подойдя к окну, невольно зажмурил веки от цветовой гаммы, щурясь, я всматривался в пейзаж за окном: увидеть землю с высоты птичьего полёта – для меня это было впервые! Город жил своей жизнью: по небольшому парку шли прохожие, кто торопился, кто сидел на лавочках, наслаждаясь красотой природы, но только не тишиной – отовсюду доносился шум автомобилей, мчащихся по шоссе.

Солнечные лучи были так ярки, что я захотел взглянуть на их источник; осторожно поднимая глаза вверх, я рассматривал синеву неба и, дойдя глазами до источника, пытался выдержать слепящую яркость небесного светила, но было это почти невозможно: мои веки закрывались сами собой, автоматически.

Простояв у окна некоторое время с закрытыми глазами, я вспоминал сегодняшний день, в калейдоскопической смене впечатлений меня волновал только один вопрос – тот *ГОЛОС*, что это, *КТО* это был? Как *ЕГО* зовут? Неужели это был Бог, который вот так, просто, может прийти к каждому из нас? Где *Он* живёт? Как *Он* сказал... «*ТОТ*, кто всегда с тобой. *КОГО* ты гнал».

От этих воспоминаний слёзы выступили у меня на глазах, мне почему-то стало обидно, грустно, мне захотелось снова услышать *ЕГО*, я попытался заговорить с *НИМ*, но не зная, как к *НЕМУ* обратиться, с трудом подбирая слова:

– Боже! Господи! Не знаю, правильно ли я обращаюсь к *Тебе*? Я не знаю, как правильно, но одно знаю: *Ты* меня сегодня спас, я не просил *Тебя* об этом, даже не думал, что можно попросить, но *Ты*, видя мою нужду, сошёл ко мне, ко мне – недостойному этого, ведь я неверующий человек.

Боже! Не могу поверить, это – как сон, если бы мне это кто-нибудь рассказал – не поверил бы никогда, но это случилось со мной, я испытал всё это своим существом, *Ты* меня убедил, что *Ты* – *существуешь*, это всё правда, и я всё исполню, что *Тебе* обещал, даже не знаю, откуда это пришло; но если я обещал, то исполню и, надеюсь, в *Твоей* Библии я найду всё, что меня интересует.

Боже! Услышь меня, ответь мне, пожалуйста!

Ответа не последовало. Я долго ещё вслушивался в тишину. Безнадёжно – меня окружало молчание...

– Боже! Спасибо *Тебе*! Я никогда не забуду этот *День* и то, что *Ты* сделал для меня. Спасибо *Тебе*, Боже!

В техникум я поступил. Первые месяцы учёбы были для меня самыми трудными: ужасно тянуло в родительский дом, воспоминания не покидали меня, и ничего, ровным счётом, здесь меня не радовало: новая обстановка, новые друзья – всё было чужое, не близкое; но со временем я втягивался всё активнее в новую жизнь и постепенно привыкал ко всему.

С квартирой мне повезло: у моих родственников была знакомая бабушка, ветеран войны, у неё не было своих детей, и я был ей как внук – она не брала с меня даже квартплату; «баба Лида», действительно, была очень хорошим человеком, от неё я многому научился, прежде всего – не обижаться на правду, какой бы горькой она ни была, смирять свою гордыню и быть самостоятельным.

Я сразу всерьёз занялся учёбой, но первый семестр закончил с двумя тройками – никак не давались мне физика и химия, много было пробелов со школьной скамьи, но огромное желание переполняло меня, и к тому же, был стимул: получать повышенную стипендию, которая была на четверть выше обычной. Я хотел по возможности уменьшить родительское бремя – родители помогали мне всем, чем могли. Они часто звонили мне, поздравляли со всеми праздниками, так и сегодня, второго января 1990 года, раздался междугородный звонок. Я поднял телефонную трубку, в ней послышался до боли родной голос:

– Сыночек! Поздравляем тебя с днём рождения!

– Спасибо, мамочка, но мой *День* рождения уже прошёл: 21 декабря, в тот день я и отмечал его с друзьями. Мне уже 16 лет, как же вы не поймёте, что день рождения это день, когда человек родился, а не тот, который был записан по ошибке; когда я жил у вас, то подчинялся вам, но теперь я живу отдельно, так что, мам, поздравляйте меня, пожалуйста, 21 декабря, хорошо?

– Саша! Мне больно это слышать, мы же хотели сделать для тебя как лучше, но если ты настаиваешь – будем поздравлять тебя двадцать первого декабря...

– Спасибо, мама!

Это был рывок: второй семестр закончил без единой тройки и последующие – так же, успешно защитил диплом. Затем, это был девяносто третий год – армейская служба в военно-воздушных силах республики Казахстан, на то время уже независимой республики, так как СССР распался в декабре девяносто первого.

Глава 6. Проблески веры...

Встречи, встречи, встречи... Вся наша жизнь проходит в круговороте встреч, но в суете буден мы порою мало придаём им значения, не думая о том, что каждая из них – это событие, и когда сознание нет-нет, да озарится яркой вспышкой любого из этих событий, мы начинаем понимать их смысл. Как и смысл наших снов. Но гораздо позже, потом, а иногда – непоправимо поздно.

Август, 1998 год, около семи часов вечера. Солнце светит под углом, показывая, что скоро закатится за горизонт. Я еду по главной улице села Урджар. В центре, сбоку от светофора, вижу милицейскую машину ГАИ; молодой инспектор жезлом указывает мне съехать с дороги, я выполняю его требование... Инспектор устало снимает фуражку и вдруг подсаживается ко мне в машину:

– Сколько лет, сколько зим?! Санёк! Сослуживец мой, давно хотел остановить тебя, поговорить, вспомнить нашу армейскую службу, но никак не мог тебя «поймать» в одиночестве!

– О-о! Привет, Валера! Да, минуло немало времени, четыре года уже, но что же ты – если хотел поговорить, мигнул бы!

– Да-а, не хотел мешать: все стали такие занятые, куда-то торопятся...

Мы переглянулись, улыбаясь друг другу; не скрою, мне было приятно видеть своего сослуживца...

– Что поделаешь, Валера! Так уж устроено всё в этой жизни...

– Знаешь, я часто вспоминаю наши армейские будни... Тот побег на третий день службы, помнишь? Тогда ведь я тебя подбил на него, да, но страна была в разрухе, национализм, бежали все – кто из страны, кто из вооружённых сил, как мы тогда... Восемьсот километров от дома, помнишь? За первые сутки, как на марш-броске: без воды, без еды – шестьдесят км по степи, потом – на товарняке, на попутках, и, по-моему, в пятидесяти километрах от дома нас взяли те менты...

– Помню, Валера! Всё помню: их удары, их оскорбления, как «дезертиры!!» орали... Кому? Восемнадцатилетним пацанам, не принявшим ещё присяги, а с ними – как со взрослыми мужиками! Возвращение тоже помню. Это чувство передать невозможно, поймёт тот, кто это испытал, согласен?

– Санёк! Если бы ты тогда не согласился бежать, я не побежал бы тоже, я в то время сказал себе: «Побегу, если Саня побежит», ты отличался от других, внушал чувство доверия, я заметил тебя ещё с областного военкомата, когда мы там ночевали; запомнил ту драку, в которой ты участвовал, как ты с трёх ударов снёс твоего противника... Меня потрясла та картина, когда включили свет, а на полу – лужа крови, и он лежит, как кричали офицеры, как тебя увели...

– Да, было время, помню, я тогда очень разозлился, тот призывник разбудил меня среди ночи со словами: «Эй ты, лох, освободи кровать!». Я его послал, он в ответ налетел на меня, пришлось вспомнить, чему нас учили в секции бокса в студенческие годы... Хотя, из-за бокса мне пришлось мой вставной зуб вставлять ещё раз! После той ночи во мне что-то изменилось, не мог больше так бить, стало жалко...

Я ведь в армию уходил со смешанными чувствами, с боевым настроем и поддержкой националистических нравов, понимаешь? Но именно в армии всё переменялось, ведь те самые казахи – «чурки» – как мы их называли, не дали мне упасть, а поддержали, именно они не позволили сломать меня, мою душу, они стали для меня как братья... И от моих националистических убеждений осталась только обида на мой народ, из-за которого нас сослали в далёкий Казахстан, кстати, мы уже шесть лет ждём документы на выезд в Германию – это страш-

ная волокита: они всё проверяют, устраивают всякие тесты, экзамены по языку, но как же мы можем «безупречно знать» наш родной язык, если были запреты, гонения на него. Во мне течёт немецкая кровь, и разве моя национальность может поменяться только от того, что я родился в Казахстане?

– Значит, уезжаешь в «фатерланд»?

– Да, Валер...

– М-м-да. А я часто видел твоих братьев, наблюдал за ними... Да, кстати, где твоя кобыла?

– Продали...

– Жалко. Такой ход, такая красавица!

– Да, ты прав, бывало, заходишь в конюшню, она копытом стучит, фыркает – приветствует, и смотрит такими понимающими глазами, потом положит голову на плечо, как будто обнимается...

Послышался стук в боковое стекло, я повернулся – наклонив голову и улыбаясь, у машины стоял высокий черноволосый парень, я приоткрыл окно:

– О, Серж! Такие люди – одни, пешком и без охраны, какими судьбами?

– Да машина сломалась, стоит на СТО. А я смотрю: Саня, ты – не ты? Ты долго ещё?

– Да сейчас заканчиваем, минут пять...

Я повернулся к Валере, Валера смотрел вопросительно на меня:

– Я не думал, что ты с ним знаком – твой друг?

– Да, можно сказать...

– А где твой кент, твой компаньон?

– В Алма-Ате.

– Ладно, давай, тебя ждут, Саня! Не буду задерживать, да и мне надо работать...

Мы крепко пожали руки, смотря друг другу в глаза:

– Валера! Хочу, напоследок, тебя спросить: проявишь ли ты снисхождение, если когда-нибудь поймашь таких же солдат, какими были мы с тобой?

Он, не задумываясь, с улыбкой ответил:

– Конечно, брат!

Выйдя из машины, мы ещё раз поздоровались с Сержем, и обнялись по-братски:

– Что, Сань, проблемы?

– Да нет, это мой соратник, служили вместе.

– Ты служил в армии?.. А что так, почему не откупился?

– Тогда у меня денег не было, а родителям не хотел проблемы создавать – семья многодетная, знаешь, с копейки на копейку перебивались. В то переломное время повсюду веяло кризисом из-за сложившейся в стране неразберихи: что кому принадлежит и за что должен платить? Были приостановлены почти все предприятия – люди месяцами зарплату не получали...

Серикжан, смотря мне внимательно в глаза:

– Да, какое великое Государство – с площадью пол земного шара, развалили! Сколько человеческих судеб... Новорождённый Казахстан, после развала Союза, получил ведь разграбленное наследство. Нам ещё повезло, что мирно расстались, без войны.

– Слава Богу!

Серикжан кивнул головой в знак согласия:

– Как говорят у нас на востоке: «Не дай Бог жить в эпоху перемен!»...

На мгновение я ловлю взгляд своего собеседника, и замечаю в его глазах нескрываемую тоску. Интуиция подсказывает мне, что он грустит не по потерянной стране:

– Серж, а ты что здесь в таком настроении?..

Серикжан, с присущей ему открытостью:

– Настроение отвратное, думал, в кабаке поднимется, нет, безуспешно...

– О чём грустишь?

– Слышал, «смотрового» убрали – криминального авторитета Урджара?

– Да, но я его лично не знал...

– А он мне как брат был, «крышевал» меня, при возникновении трений с криминалом я обращался к нему – он всё мирно улаживал. Сегодня были похороны, вся братва собралась, из России много людей было, его многие знали, негде было яблоку упасть, знаешь же, у нас, мусульман, закон: все обиды, долги должны быть на кладбище сказаны, а после похорон – всё. Так вот, когда спрашивали, кто держит на него обиду, или кому он должен, говорите сразу: на этом мести отдано будет; а он мне должен был, я его выручал в своё время, он вернул мне часть, а другую не успел. И я промолчал...

– Серж, прими мои соболезнования, держись, я считаю, он ходил по лезвию ножа, это путь очень скользкий. Мне искренне жаль его.

– Согласен, таким путём лучше не ходить – Аллах не простит, надо жить, как можно честно и чисто...

– Это точно, Серж! За всё придётся когда-то ответить перед Богом, как бы мы *Ego* не называли – Он един для всех живущих на этой планете, наш Создатель!

– Санёк! Ты меня удивляешь: говоришь, как верующий человек...

– С недавних пор я стал верующим человеком, ну, конечно, ещё не глубоко верующим...

Два года тому назад убедил всю мою семью – креститься; мы крестились в лютеранской церкви.

– Это в той церкви, которая находится у вас, на «Берлине»?

– Нет, это христианская община, никогда не думал, но именно из этого дома молитвы у меня сейчас много знакомых и друзей – наш край почти уже весь в Германии, так вот, многие из этих верующих купили на нашем краю дома, теперь они мои соседи. А лютеранская церковь, Серж, стоит напротив «Казсельхозтехники»...

Серикжан внимательно слушал и смотрел на меня расширенными от удивления глазами, мне стало смешно, и я рассмеялся:

– Извини, Серж. Ты на меня так смотришь – к выражению твоих глаз не хватает раскрытого рта, чтобы создать полную картину удивления!

Мы вместе разразились смехом, который наши учителя в школе называли бы «ржанием», но нам было всё равно – мы искренне смеялись.

Вдалеке Валера, слегка помахивая милицейским жезлом, останавливал машины и посматривал на нас, вероятно, как на умалишённых, а мы, насмеявшись, постепенно вернулись в прежнее состояние:

– Санёк! От твоего полного расклада у меня и расширились глаза! Как у тебя со временем, пойдём, посидим в «Равшане»?

– Вообще-то, я уже здесь задержался, давно должен быть у одного человека...

Серж посмотрел на меня обиженным взглядом:

– Санёк! Мы так редко видимся, не откажи составить мне компанию, в такой тяжёлый день для меня, что, прикажешь, с женой дома сидеть? О тряпках вести беседу? Я ей сказал, что сейчас вернусь, а сам растворился, никто не знает, где я, а ты – человек, близкий мне по душе, с кем можно поговорить не только о суе нашей жизни. Ну, Сань?

Меня тронули сказанные Серикжаном слова, произнесены они были очень искренне.

– Но, Серж! Из меня плохой компаньон, ты же знаешь, я практически не пью, тем более я за рулём...

– Это как раз то, что мне и надо: что вести эти пьяные разговоры, после которых не помнишь ничего, о чём говорили! Мы, казахи, знаем норму, с детства нас этому наши старики учат, знаешь, я ведь, как и ты, не курю и имею свои принципы!

Теперь я, не отвлекаясь, внимательно слушал своего собеседника, стараясь понять его и раздумывая над каждым словом...

– Хорошо, Серж, пойдём!

– Я приглашаю, Саня! Всё – за мой счёт, тем более у меня к тебе есть предложение, ну, хорошо, за столом обсудим его...

Я окликнул Валеру:

– Валера! Ты долго ещё будешь здесь?

Валера, прервав свой разговор с каким-то водителем, откликнулся:

– Ещё часок!

– Я – в «Равшан», ненадолго, если задержусь, то до скорой встречи, желаю успехов!

– Тебе также, не забывай: ты за рулём!

– Хорошо!

В ресторане «Равшан» веяло непривычной для меня атмосферой – потёмки, приглушённая музыка... Мы присели за небольшой стол в дальнем углу, подошла официантка:

– Что будем заказывать?

Серж, положив руки на стол:

– Света, знакомься, это мой брат, Александр! Не смотри, что он белый, у нас один *ОТЕЦ!*

– Серж мигнул мне глазом...

Светловолосая девушка протягивает мне руку:

– Света!

Я привстал и протянул руку в ответ:

– Очень приятно, Александр!

– Мне – также! Ну, так что будем заказывать?

Серж расплылся в улыбке:

– Санёк! Будем заказывать Казахское национальное блюдо из конины – «Казы»?

– Надеюсь, оно приготовлено не из моей Метелицы?

– Брат! Обижаешь, твоя кобыла ещё бегаёт...

– Хорошо, будем заказывать, мне ещё, пожалуйста, бараний шашлычок с лучком, и побольше лучка...

– Брат! Возьми что-нибудь из горячего – плов, бешбармак, может, борщ?

– Спасибо, брат! Сегодня – нет.

– Свет, ну, тогда казы с огурчиками, мне, как обычно, пятьдесят грамм, моему брату...

Что, Сань, будешь пить?

– Жигулёвское пиво.

Света, изучающе поглядывая на нас, записала наш заказ в блокнот:

– Ещё что-нибудь?

Серж, улыбаясь:

– Пока всё...

Света улыбнулась в ответ, развернулась и пошла в сторону кухни, мы провожали её взглядом. Серж прервал молчание и, глядя на меня, спросил:

– Ну, как Света? Какая фигурка! Жаль, что я женат, но тебе-то можно... Или она не в твоём вкусе?

Я засмеялся:

– О чём ты?

– Ну-у, как всегда, начнёшь опять уходить от ответа? Какие тебе нравятся, о ком мечтаешь?

– Той здесь нет...

– Санёк! Только честно, между нами: у тебя бывает такое, что тебя тянет к девушке... Ну, не твоей национальности, вот меня, к примеру, тянет к русским девушкам, хотя знаю, всё – то же самое, но не могу с этим ничего поделать...

– В мыслях – да, и ко многим, но если до чего-то серьёзного доходит, у меня мгновенно «включается задняя»... Но, Серж, при чём тут национальность, если нравится девушка?

– В мыслях – это к кому? – взгляд у приятеля затуманился...

Послышался стук каблучков, мы замолчали, поглядывая друг на друга, Света, ставя поднос на стол, сообщила:

– Ваш заказ.

Умело расставляя блюда на столе, она поглядывала то на меня, то на Сержа, налив из графинчика Сержу его «пятьдесят грамм», оставила графин на столе, затем поставила передо мной кружку пива; мы поблагодарили её, и она скрылась. Ароматный запах витал повсюду, я пытался уловить запах шашлыка, но его перебивали казы, нарезанные аккуратными ломтиками, и уложенные в тарелках по кругу огурчики между ними, хлеб был настолько тёплый, что казалось, будто недавно его вынули из печи, Серж поднял свою рюмку:

– Ну, за встречу, брат!

Я приподнял кружку с пивом:

– За встречу!

Серж не торопился выпивать:

– Санёк, может, со мной за компанию, по пятьдесят?

– Нет, спасибо! Я смотрю, здесь не умеют считать: пятьдесят грамм за пол-литра принимают...

– Ну, что ты, брат, я же не буду Свету всякий раз подзывать, да и всё это пить я не собираюсь... Ну, за встречу!

Выпив, Серж закусил огурчиком:

– Холодненькая!

– У меня пиво – тоже!

Мы, постепенно расправляясь с содержимым тарелок, пытались о чём-то говорить:

– Так, на чём же мы остановились? А, да, о девчатах, но ты мне не ответил про «мысли»?

– Что ты хочешь выпытать у меня?

– Меня интересует, казахские девушки нравятся тебе? Привлекают? К примеру, моя жена?

– Ну, ты, вообще... Замужние девушки для меня табу.

– Извини, Сань, ты не понял, я имею в виду – мысленно, в воображении...

– Я о таком стараюсь не думать, гоню такие мысли, а казахские девушки мне нравятся своей теплотой, и ещё в них есть какая-то своя неповторимая изюминка; знаешь ли ты Зарину Кошербаеву, она преподаёт химию и биологию в школе имени Крупской?

Серж, подливая себе очередные пятьдесят грамм, напыжился:

– Заринка – моя дальняя родственница, ты же знаешь, у нас до седьмого колена все родственники, давай поднимем за наших милых женщин!

Мы, улыбнувшись друг другу, выпили за этот тост, вдруг Серж заёрзал, высматривая кого-то, наконец, его взгляд остановился, мне было интересно, кого он там высматривал, и я обернулся, Серж окликнул:

– Света!

Послышался стук тех же каблучков:

– Да?

– Светочка, нам, пожалуйста, повтори казы с огурчиками, и моему брату – ещё пива, что-то мало было...

Я не выдержал и довольно резко вмешался в разговор:

– Ты что, я уже собрался уходить, куда же ещё есть?!

– Сань! Не обижай меня, посидим ещё, мы только начали, – он загадочно поднял палец, – и ещё не обсудили моё предложение.

Я в недоумении заёрзал на стуле, Света, в знак согласия, мотнула головой и ушла.

– Ну, что ты, брат? Так что там дальше, с Заринкой-то?

– Серж... Ладно. Это было в 1990 году, после моей первой сессии наступили каникулы, я так соскучился по семье, что, не дожидаясь моего друга, взял билет на автобус и уехал домой, ко мне подседа красивая темноволосая девушка, первые часы мы сидели молча, я смотрел в окно, предвкушая, как приеду домой, она, опрокинувшись на спинку сидения, полулежа, отдыхала... Я невольно приумолк, так как снова зацокали всё те же каблучки:

– Ваш заказ!

Закончив расстановку блюд, Света прошептала «Приятного аппетита» и исчезла.

– Спасибо, Света!

Мы снова смотрели ей вслед. Серж хитро протянул:

– Ну, ла-адно, брат, давай – за случайные встречи, каких у нас с тобой было-о-о...

– Хорошо, брат. Но я, знаешь, уверен, что случайностей не бывает, всё даётся нам свыше...

– За что ты мне, Санёк, нравишься, так это за... умность твою – истину ты сказал!

Выпив, мы с наслаждением поедали казы:

– Ну, и что там было с Заринкой, Сань? Ты меня заинтриговал просто, она ведь такая умница!

– Заринка? Да, она первой прервала наше молчание. Отдыхая в автобусе, я вдруг услышал:

– Что, первый год? Первая сессия?

Сперва я подумал: «Это с кем она там?». Обернулся в её сторону и даже немного оторопел: она, лёжа на спинке сидения, обращалась именно ко мне и смотрела на меня таким тёплым взглядом, что, от неожиданности, я на секунду потерял дар речи; пришлось кивнуть головой, она засмеялась и протянула мне руку:

– Зарина!

Я, в небольшом замешательстве, пожал её:

– Саша!

– И откуда ты?

– Из Урджара.

– О, мы с тобой земляки, я тоже из Урджара, в какой школе учился?

– В Гагаринской...

– А-а, вот поэтому я тебя никогда не видела; я в школе имени Крупской училась, сейчас – в педагогическом институте, второй курс.

В общем, мы с ней проговорили часа три, все соседи на нас оглядывались, намекая, что мы мешаем им спать, особенно один мужик, казах, сидевший напротив, так грозно смотрел, что нам стало неудобно, и мы решили подремать немного, я, как всегда, откинувшись на спинку, а проснулся от того, что Зарина спала на моём плече, я не хотел её тревожить, честно сказать, мне было это даже очень приятно – от её волос, к тому же, веяло дурманящим сладким запахом; через некоторое время она проснулась и, открыв глаза, отшатнулась от меня:

– Ой, Саша... Прости, пожалуйста!

Я посмотрел на неё как можно веселее:

– Да что ты, всё нормально!

– Я задремала... Как неудобно... Хорошо, что мы с тобой как бы родственники – родились ведь в одном месте, да? И всё же, прости меня! – она засмеялась и замолчала.

Я не находил подходящих слов, чтобы её поддержать, и мы долго лежали молча, откинувшись на сидениях, я тупо смотрел в потолок, затем меня охватило странное чувство, что кто-то смотрит на меня, я повернул голову в сторону Зарины, да, она смотрела на меня с каким-то пристальным любопытством:

– Что, Саш, не спится?..

Я покачал головой:

– Нет.

– Ложись ко мне на колени, хоть один из нас будет хорошо спать! Ты – младший из нас, давай, не стесняйся, ложись...

Серж опять заёрзал, подливая себе свои «пятьдесят», глядя на меня:

– И ты спал у Заринки на коленях?

– Ну, да. А её руки лежали у меня на голове, она меня так согрела...

– Могу себе представить! И что, ты с ней договорился?

– Даже в мыслях такого не было, она же мне была как сестра, да и мне было-то шестнадцать лет, а вот, до сих пор помню тепло её рук...

– Да ты романтик у нас! – громко рассмеялся Серж.

Я взглянул в зал – многие уже посматривали в нашу сторону:

– Ты что, Серж! Можешь потише?

– Да кому мы нужны, Саня, кто нас знает?

– Не забывай, что мы живём в большой деревне, зачем лишние разговоры?

– Хорошо, хорошо... Поехали сейчас к Заринке, ты ей понравился, судя по всему, она ведь к себе никого не подпускает, так до сих пор в старых девах и ходит!

– Да успокойся ты, тебе что-нибудь только расскажи! Не поеду я к ней, она старше меня, зачем тревожить такую прекрасную девушку, она обязательно дожждётся своего принца, я в этом уверен.

– Хорошо, давай тогда выпьем за Зарину: чтоб она была счастлива!

– С удовольствием, Серж!

Закусив, Серж пристально посмотрел на меня:

– Ты так хорошо рассказывал, брат, не хотелось тебя прерывать, теперь давай обсудим моё предложение? Короче, у меня, в «Заготзерне», на складах по переработке и хранению зерновых культур лежат пятьсот тонн зерна. Возьми на реализацию, что хочешь делай с ними: на муку, на корм, мне всё равно; отдам в рассрочку, всё возьмёшь – отдам по дешёвке, ты знаешь, брат, какое сейчас время: сбор урожая, зерна – валом, нужно только время выждать, а в «Заготзерне» большие проценты берут, да и налоговая тут ещё... Сань, надо заняться этим, а у меня руки не доходят, дел кроме этого хватает, ну, как ты, брат, на это смотришь? Подумай, Саня! Это стоит того – хорошие бабки поднимешь!

– Судя по массе, не сомневаюсь, я всё уже в голове прикинул, «оценил», как ты сказал, и понимаю, что цену можно ещё ломать, она не окончательна, а если конкретней, то надо бумаги смотреть, оценку качества зерна. Так или нет?

Серж расцвёл в улыбке:

– Приятно дело иметь с деловыми людьми! Брат, у тебя, случайно, нет еврейских корней?

– При чём тут... Нет, Серж, насколько мне известно – только немецкие...

– Ладно, так как, Сань, возьмёшься?

– Спасибо, Серж! Заманчивое предложение, конечно, но, к сожалению, я должен отказаться – не хочу «грузиться», у меня уже вызов в Германию в дороге.

– Не понял? И ты уезжаешь? Брат, ты меня расстроил...

Серж откинулся на стуле, потупил взгляд, ушёл в себя...

– Ну, ты чего, Серж?

Серж глубоко вздохнул:

– Знаешь, Санёк, у меня есть безумная мечта...

– Какая?

– Мечтаю, хотя бы на день стать... Всевышним!

Я улыбнулся:

– Ну, ты меня сейчас совсем рассмешишь...

– Сань, я на полном серьёзе, давно над этим задумывался, ещё в студенческие годы, когда учился в Алма-Атинском технологическом институте! Мой отец с детства требовал от меня послушания, заставил Коран прочесть, а некоторые изречения пророка Мухаммеда – наизусть учить; я считаю, что такие пророки, как Мухаммед, Иисус Христос... Через них говорил с нами Всевышний, наш Создатель; многие скажут: почему сейчас, в наше время, *Он* с нами не говорит? Все книги написаны, церкви, мечети – построены... Но если сейчас кто-нибудь скажет, что слышит голос Всевышнего, то его примут за безумца, хорошо, что мы с тобой ничего не слышим; я думаю, что слышать Всевышнего – это как кара, потому что спрос – втройне, ну, и, конечно, награда соответствующая...

Я был шокирован услышанным, как будто Серж читал мои мысли, это странно, но мне было ужасно интересно его слушать:

– Так ты веришь, что Всевышний, наш Создатель, наш *Отец*, может просто так с нами разговаривать?

Серж улыбнулся:

– По этой причине я безумно мечтаю стать хоть на один день – Всевышним. Послушать человеческие мысли, своих родных, близких мне людей, понять, на кого можно положиться, прийти к нашим правителям и спросить их, почему власть так ослепляет человека? Почему так страшно расстаться с властью? Быть тем, кто ты есть на самом деле – просто человеком, ведь наша жизнь в сравнении с вечностью – это мгновение, сон... Мы всё стучим себя в грудь – мы такие верующие, праведные, придумываем свои правила жизни, относимся к себе со снисхождением, позволяем себе творить беззакония, забыв о Заповедях, как будто они нам даны просто так, как архивные манускрипты... Санёк! Мне сегодня тяжело, знаешь, как никогда, когда теряешь близких друзей, оставаясь в одиночестве, что самое страшное для человека, или живёшь среди множества людей, но в душе ты одинок, не с кем поделиться, не у кого почерпнуть жизненную энергию... Понимаешь меня?

На мгновение он замолчал, глядя на меня, а я желал как-то помочь ему, поддержать в эту минуту, и в то же время я был совершенно обескуражен несвойственной ему пронизательностью, делающую его «другим Сержем». Здесь нельзя было быть неискренним:

– Серж, я младше тебя на пять лет, у меня мало жизненного опыта, и я вряд ли смогу тебе что-либо посоветовать, потому что я этого не испытал, не прожил ещё...

Серж смотрел на меня с неподдельным волнением, я это заметил по влажности его глаз:

– Брат! Ты меня поддерживаешь тем, что сидишь со мной, давай выпьем!

– Давай! Я хочу выпить за тебя, Серж!

– Спасибо, Саня! Как приятно это слышать!

Он протянул руки и мы, привстав, обнялись:

– Саня, скажи, был ли у тебя случай в жизни, когда совсем чужой человек помог тебе – просто так?

– Да. В пятнадцатилетнем возрасте я перепутал адрес моих родственников в Семипалатинске, так вот один таксист помог мне, «просто так»...

– А ты кому-нибудь помог?

– Не знаю, наверное, просто так – нет...

– Смотри, мы с тобой живём в семи километрах от детского дома, мы имеем достаток, мы можем купить ящик конфет и отвезти детям, чтобы жизнь им показалась слаще; узнать их нужды, помочь, поддержать их, но до этого времени – мы это сделали? Что мы скажем

Всевышнему при встрече с Ним? Серж, повернувшись в сторону бара, окликнул Свету и стал поспешно собираться, шаря по своим карманам. И снова стал прежним «Сержем»:

– Ладно, Санёк! Спасибо за составленную компанию, мне было очень приятно с тобой пообщаться.

– Взаимно, брат!

Мне стало вдруг грустно прощаться с ним, выйдя на улицу, я предложил:

– Серж, уже поздно, я тебя подвезу.

Серж, улыбаясь, хлопнул меня по плечу:

– Ну, тогда тебе придётесь ко мне в гости зайти...

– Нет, только не это, уже поздно...

– А как же я буду отмазываться, где я был всё это время? Моя женушка – это пилорама, бомба замедленного действия! Мы обманываемся тем, что думаем, будто мы хозяева в наших семьях, всё подчинено нам, всё наоборот: наша жизнь – в их руках, наши дети – в их руках, как и наш тыл, очаг, который они берегут; честно сказать, я счастлив, что Всевышний подарил мне Дану, моя «Золушка» оказалась принцессой, когда мы с ней познакомились в Алма-Ате, я не знал, кто её родители, просто влюбился в неё и всё, ну, а уже потом, после свадьбы, её отец выбил в министерстве льготный кредит для меня...

Подъезжая к дому Сержа, мы приглушили музыку, выходя, Серж обернулся ко мне:

– Свет ещё горит, значит – ждёт, брат, не вздумай отказаться от чая, у нас, казахов, это считается проявлением неуважения – Дана может обидеться, тем более ей нравятся твои глаза, Сань, и мы используем это для смягчения первого удара...

Мы тихонько рассмеялись...

Сентябрь, 1998 год. Заглядываю в почтовый ящик – письмо, по конверту определяю – из Германии, распечатываю с мыслью: от кого? Узнаю знакомый почерк, пишет Лиза, от моей Лизы письмо! В душе радость – скоро уже увидимся, с нетерпением читаю, как долго мы с ней переписываемся – два года уже, какая она стала? Как же я был глуп, что не увидел свою любовь в своё время, часто вспоминаю то время, наш первый поцелуй, что меня держало? Не пойму, почему так всё получилось? Повсюду кого-то искал, надеясь на призрачное счастье, а ту, самую прекрасную, долгое время не замечал рядом. Теперь, намыкавшись, понял окончательно: лучше неё нет, я люблю её!

С жадностью читаю письмо, Лиза, Лизонька, как я соскучился, я не буду больше таким глупцом, до последнего дыхания никуда не отпущу тебя, но её слова перебивают мои мысли: «Саша! Когда приедешь? Сколько тебя ещё ждать? Испытываешь ли ты ко мне ещё чувства? Я познакомилась с одним парнем. Ждать тебя ещё или нет?».

Я перечитываю текст ещё раз, и ещё раз... Это что, шутка? Горечь подступает к горлу, душит обида, вот-вот из глаз вырвутся слёзы, нет, этого я не допущу, я – мужчина, я выдержу, если девушка не могла дождаться, то таким отношениям нужно положить конец, не меня выбирают, а я выбираю, поэтому говорю – нет.

Сажусь в машину и еду к нашей общей подруге – к её лучшей подруге... Иринка – высокая стройная брюнетка с красивой улыбкой:

– Саша?! Вот не ожидала.

– Привет, Иришка! Решил сделать тебе сюрприз...

– Тебе он удался!

– Надеюсь, мой сюрприз тебе не очень неприятен?

Мы смеёмся, поглядывая друг на друга:

– Са-аша, мне всегда приятно видеть тебя!

– Спасибо, Ира! Мне – тоже, с первой нашей встречи, как же давно мы знакомы, кажется, вечность...

– Да, кажется – вечность... Как молоды мы были! Как с документами?

– Потихоньку дела продвигаются: вызов уже на руках, так что собираем документы. Ира!

Лиза тебе не звонила?

– Нет, но я от неё на прошлой неделе письмо получила.

– Ответ уже написала?

– Нет ещё, собираюсь на днях написать, а что?

– Иришка! У меня к тебе огромная просьба, ты уж не подведи меня, прошу...

– О чём разговор, Саша! Ты на меня можешь полностью рассчитывать, всё, что в моих силах, сделаю.

– Я сегодня получил от Лизы письмо, она пишет, что познакомилась с парнем...

– Саша, этого быть не может! Она тебя ждёт, она тебя любит, она мне ничего такого не писала, не верь, она просто устала ждать и провоцирует тебя немножко, позвони ей, скажи, что у тебя уже вызов, я уверена, она ждёт.

На душе у меня было тяжело, возможно, это почувствовала Ира, но я был настроен решительно:

– Нет, такими вещами не шутят, Ира, пожалуйста, не пиши Лизе, что мы получили вызов, я тебя прошу; я не буду ей больше ни писать, ни звонить, всё кончено.

– Хорошо, я ничего не буду писать ей о тебе, но ты – не руби сгоряча, Саша, пожалуйста...

Садясь в машину, я посмотрел на девушку и тяжело вздохнул:

– Мне трудно это сделать, Иришка. Ладно, я ещё заеду. Желаю успехов!

– Тебе – также, Саша. До встречи!

Ира, скрестив руки на груди, проводила меня сочувствующим взглядом.

Глава 7. Голос... судьбы?

Каждый вечер, перед сном, я выхожу во двор, уединяюсь, смотрю на ночное звёздное небо: оно манит своим спокойствием, чистотой, необъятностью, звёзды – как маленькие светлячки переливаются в неизвестности и среди них, ярким и холодным светом равнодушно освещая Землю, застыл огромный диск Луны...

Размышляю о форме нашей Галактики: как всё обманчиво вокруг нас, мы видим всё только так, как нам это дано, а на самом деле всё совсем по-другому: Луна – ничтожно крохотная, а некоторые звёзды необъятных размеров; нашему разуму трудно в это поверить, представить... Хотя бы одно то, что солнце по диаметру в сто девять раз больше нашей планеты, не говоря уже о его массе... Меня заставляет невольно задуматься: каких размеров *ТОТ*, кто создал всё это? Кто такой человек в сравнении со всем этим? Песчинка... В мой разум не вмещается всё это, я просто желаю молиться, я твёрдо убеждён – *Он* слышит и видит всё, от *Него* ничего невозможно утаить – каждую нашу боль *Он* чувствует, каждую слезу *Он* собирает, каждое слово доходит до *Него*, каждая наша радость радует и *Его*, и как *Он* может всё это терпеть?..

Не нахожу ответов, и начинаю молиться моему Создателю – Всевышнему... Моя душа жаждет этого общения; как моему телу необходимы воздух, вода, свет, так моей душе необходимо это общение... И я молюсь в эту ночь так искренне, как никогда прежде, не скрывая слёз – они произвольно сами текут по щекам...

«ГОСПОДИ! *Отец* наш Небесный! Услышь меня и внемли моей молитве, во имя Сына *Твоего* Иисуса Христа, Им *Ты* искупил нас от наших грехов. Боже праведный, *Отец* мой! *Ты* видишь мою душу, знаешь помыслы моего сердца, ни перед кем я не могу так открываться, только перед *Тобой*, – *Ты* мой Бог! *Тебе* служу, на *Тебя* уповаю! Вот уже девять лет прошло с тех пор, как *Ты* открылся мне – грешнику; я прочёл Новый Завет, крестился, придерживаюсь Заповедей *Твоих*, признаю, что не исполняю все *Твои* Заповеди, грешен я перед *Тобой*, согрешил я, ГОСПОДИ, прости меня, каюсь я, помилуй меня, ГОСПОДИ, во имя Иисуса Христа!

Боже, ГОСПОДИ! Где *Ты*? Почему я больше не слышу *Тебя*? В моей жизни вижу дела святых рук *Твоих*, всё, что я имею, всё, что я испытал, всё от *Тебя*, мой Бог! Я благодарен *Тебе*, *Отец* мой!

У меня много вопросов, на которые не могу я найти ответа, почему так всё в жизни: видишь цель свою, она почти уже в твоих руках, как вдруг она ускользает из рук? Почему ту, которую я любил, *Ты* позволил мне потерять? Почему, ГОСПОДИ, *Ты* позволил этому случиться?

Да, я знаю, что нечестно ждал её, не смог я победить свои пороки, хотя и боролся с ними – всё тщетно, и нет мне оправдания, я слаб, ГОСПОДИ! Без *Тебя* я – никто, пыль земная, гонимая ветром, не знающая, откуда и куда летящая... Прошу *Тебя*, мой *Отец*, приди ко мне, дай мне *Духа Твоего Святого*, укрепи и исправь меня!

Дай нам, людям, того, что нам не хватает, а также любви друг к другу и веру в *Тебя*, Боже. Укажи нам истинный путь, ведущий в жизнь вечную, к *Тебе*, *Отец* наш Небесный!

Прошу *Тебя*, во имя Иисуса Христа, услышь меня. Да будет всё по святой воле *Твоей*, ГОСПОДИ! Я склоняю голову перед *Тобой*, мой ГОСПОДЬ.

Благодарю всех *Твоих* святых Ангелов, охраняющих нас и исполняющих святую волю *Твою*, ГОСПОДИ!

Благодарю Единородного Сына *Твоего*, Господа нашего Иисуса Христа, просящего о нас перед *Тобою*, Боже, отдавшего свою безгрешную жизнь за нас, грешных, и спасшего нас от смерти адской, исполнив *святую волю Твою*, ГОСПОДИ!

Да будет Царствие *Твоё, Отче* наш, сущий на небесах, сила *Твоя* и слава во веки веков. Аминь!».

Такова моя молитва, а слёзы текут, кажется, без конца и края, душа изливает свою боль, свою любовь к *Тому*, перед *Кем* склоняется всё, *Кем* дышит всё, *Кем* существует всё...

Октябрь, 1998 год, еду в школу – выписывать моего младшего брата Николая, он последний из нашей семьи, кто ещё учиться в школе, в 10 классе. Погода хорошая, день солнечный, тихо играет музыка, я останавливаюсь возле школы, выхожу, осматриваюсь, всё по-прежнему, та же аллея, те же деревья, готовящиеся к зиме, листва почти вся уже спала... Я направляюсь напрямиком к кабинету директора, стучусь в дверь, голос секретаря доходит до моего слуха:

– Да-да! Войдите!

Я вхожу и вижу девушку, но не успеваю открыть рот, как слышу *Голос*, говорящий мне моим внутренним *голосом*: «*Вот та, о которой ты мечтал!*». Я в замешательстве рассматриваю девушку, она смотрит на меня вопросительным взглядом, я пытаюсь подобрать слова, но мысли переплетаются, что это было? Однако, надо что-то говорить:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! Вы по какому вопросу?

– Я по вопросу моего брата Николая Хриспенс, хочу забрать его документы в связи с переездом...

Она привстаёт, затем проходит к архивным полкам, оборачивается ко мне:

– Какой класс?

– 10 «Б».

Она роется в документах, а я успеваю рассмотреть её фигуру, к своему удивлению подмечаю, что она очень даже ничего, даже причёска моя самая любимая – волосы собраны на макушке, ух, ты, и самый мой любимый цвет – каштановый, она прерывает мои наблюдения:

– 10... «Б»?

– Да.

Я продолжаю её изучать и про себя размышляю: «Да, она красива, да, именно мой вкус, но, к сожалению, я уезжаю, а она, наверное, русская, не хочу я проблемы создавать себе и этой девушке»... Мои размышления рассыпались в прах, когда я услышал во второй раз тот же *Голос*, прошептавший где-то в области затылка ту же фразу: «*Вот та, о которой ты мечтал.*». Я замер, я потерялся, мои мысли ещё более переплелись и запутались. Девушка достаёт папку и, улыбаясь, мне говорит:

– Вот документы вашего брата, но я не могу их дать вам просто так, присаживайтесь, пожалуйста, и пишите заявление.

Я, недоумевая, присаживаюсь на край стула, беру листочек из её рук и замечаю, что ногти на её пальцах покрашены бесцветным лаком – как я люблю, ухмыляюсь: «инте-ре-есно», обращаюсь к ней:

– Продиктуйте, пожалуйста, что нужно писать?

Она улыбается, но не естественной улыбкой, а почти ухмылкой, наверное, в ответ моей:

– Пишите на имя директора школы – от кого, причину, дату, подпись...

Наши взгляды встретились, её большие зелёные глаза блестели, я был в замешательстве:

– Спасибо...

– Пожалуйста!

Она принялась перебирать на столе документы, а я стал писать заявление, но меня не покидала мысль о «*Голосе*», что же это было? *Голос*... Неужели... ГОСПОДЬ посетил меня снова? Не может быть... Расписавшись, наконец, я положил заявление перед ней на стол.

Она, прочитав его, заключила:

- Всё правильно, я ваше заявление с документами отложу в сторону, когда директор будет на месте, я подам ему на подпись, завтра можете приехать за документами.
- Завтра? Почему же завтра, что, завуч не может расписаться за него?
- Она слегка удивлённо посмотрела на меня:
- Это не положено, так что приезжайте завтра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.